

18+

Сергей Лабзов

УЛЬТИМО

Сергей Лабзов

УЛЬТИМО

«Издательские решения»

Лабзов С. Е.

Ультимо / С. Е. Лабзов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986942-5

Герой книги — простой инженер, работающий на заводе. Встретив однажды девушку своей мечты, он страстно отдаётся чувствам. Но перед самой свадьбой девушку сбивает насмерть пьяный водитель. Герой поклялся отомстить всем причастным к этому убийству и делает это с особой жестокостью. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-986942-5

© Лабзов С. Е.
© Издательские решения

Содержание

Ультимо – лат. Последний срок	6
Часть 1	7
Часть 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

УЛЬТИМО

Сергей Евгеньевич Лабзов

© Сергей Евгеньевич Лабзов, 2020

ISBN 978-5-4498-6942-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ультимо – лат. Последний срок

исполнения обязательств, время
Ультимо. расчёта по долгам.

Часть 1

Чистое небо.

1.

Сквозь неплотно задвинутые шторы утренний свет проник в комнату. Солнечный луч, дождавшись своего часа, лёг на лицо спящего мужчины, настойчиво требуя пробуждения. Вадим открыл глаза, потянулся и, окончательно проснувшись, сел на постели. Посмотрев на часы, он чертыхнулся – сегодня вставать рано не было никакой необходимости, так как он официально находился ещё в командировке. На пару дней раньше ему удалось закончить все дела в Северодвинске, куда его направили от завода по требованию заказчика. Отметив командировочное удостоверение задним числом, Вадим теперь имел в своём распоряжении два дня выходных, а кто же откажется от них в середине мая, когда природа зовёт на свои просторы! Решив использовать их по полной программе, он, первым делом, подумал о сыне. Сашка спал сейчас в соседней комнате без задних ног, набегавшись вчера с пацанами в футбол. У Вадима был план, как использовать неожиданные выходные – вместе с сыном поехать на рыбалку. Но был четверг, и Сашке надо в школу, хотя в конце учебного года занятия были чистой формальностью, ибо все уже мысленно находились на каникулах, в том числе и сами учителя, которые изрядно были вымотаны общением с малолетними шалопаями. Надо договориться с классной руководительницей, чтобы отпустила сына, подумал Вадим, направляясь в ванную комнату. Чистя зубы, он услышал, как в Сашкиной комнате зазвенел будильник. Вскоре заспанная физиономия сына показалась в дверях ванной.

– Привет, папа, ты чего рано встал, ведь тебе сегодня на работу не надо?

Вадим посмотрел на своего двенадцатилетнего отпрыска, оценил его развитую не по годам мускулатуру, и ответил:

– Здорово, друг, понимаешь, организм уже привык к режиму, его не обманешь, – ответил Вадим, мазнув мыльным пальцем по носу сына. – У тебя сегодня сколько уроков?

Сашка замялся, засопел, вытирая тыльной стороной ладони мыльную пену на носу, потом нехотя ответил:

– Всего три урока: ботаника, русский и физра, – последовала пауза, после которой Сашка выдал из себя: – Пап, ты же давно не был в школе, ещё даже не знаком с нашей новой классной, а она хочет с тобой познакомиться. Так хочет, что приглашает тебя сегодня к пяти часам в школу.

Почуввав неладное, Вадим спросил:

– Это как же я попаду в пять в школу, если я работаю?

– Но ты же сегодня не работаешь, – резонно ответил Сашка.

– Для всех я ещё в командировке. А-а, ты уже сказал своей училке, что я сегодня буду дома, – догадался Вадим.

– Пришлось, уж больно настойчиво она просила, – ответил сын, опустив голову и рассматривая с интересом пол.

– Так, что натворил!?

– Ничего такого... просто она хочет познакомиться.

– Ты мне лапшу на уши не вешай, друг! Говори, а то я приду и не буду знать по какому поводу меня вызывают так настойчиво, а это чревато последствиями, в первую очередь, для тебя.

Припугнув таким образом сына, Вадим добился от него внятного ответа.

– Ну, подрались мы, вот и всё.

– С кем и по какому поводу?

- С Мишкой Николаевым. Просто так.
- Э-э, нет, говори, раз начал. Дерутся без повода только идиоты.
- Мишка приставал к Михайловой, а я заступился.
- Молодец, что заступился за девочку, но почему вызывают меня, а не отца Мишки?

Сын не ответил, скрывшись в туалете. Вадим закончил бриться, умылся, и направился в кухню, чтобы приготовить завтрак. Этот ритуал был неизменным в течение многих лет, с тех пор, когда они остались одни без Сашкиной мамы.

Наталья умерла пять лет назад от рака молочной железы, когда сыну было семь лет. Горе было настолько всепоглощающим, что Вадим даже не помнил всех подробностей тех дней. В голове только остались какие-то смутные очертания предметов и людей. Тёща спасла в какой-то мере его от помешательства, напомнив, что у него есть сын, который нуждается в его поддержке. Три года Галина Семёновна пыталась заполнить пустоту, оставшуюся после смерти дочери. Вадим долгое время не приходил в себя, взвалив на плечи пожилой женщины все домашние хлопоты. Пелена, которой он был окутан все эти месяцы, наконец, куда-то пропала. Он постепенно выправился, у него стали появляться человеческие эмоции, которые целый год молчали. Организм сбросил защитный панцирь, Вадим вздохнул полной грудью, и стал даже проявлять интерес к женщинам. Через три года умерла тёща, Галина Семёновна, и встал вопрос о том, кто займётся хозяйством в отсутствие Вадима – у него были частые командировки. Вопрос решился сам собой. Живущая этажом выше Анастасия Голубева была тайно влюблена в Вадима ещё со школьной скамьи. Они как-то встретились на лестнице, Настя спросила Вадима о его жизни, и тут же предложила свои услуги по уходу за мальчиком, когда сам Вадим Петрович будет в командировке. Он с радостью согласился, не представляя себе во что это всё ему выльется. Настя сначала вела себя скромно. Она приходила только тогда, когда её просил Вадим присмотреть за Сашкой. Но вскоре её появления в квартире стали чаще, она навевалась даже тогда, когда Вадим её не просил. А однажды – это было как раз под Новый год – она явилась с бутылкой коньяка, заявив, что у неё день рождения. Пришлось Вадиму с ней выпить, после чего он не заметил, как оказался в объятиях молодой женщины. После этого случая он не поддавался на провокации Насти, решив держать её на расстоянии. Но это оказалось довольно сложным делом, и периодически Настя Голубева затаскивала-таки его к себе в постель. Конечно, насильно у неё это не получилось бы, но иногда на Вадима нападало чувство вины и благодарности к этой невзрачной на вид женщине. Подозревая, что у Насти на его счёт есть далеко идущие планы, он старался всё же не доводить дело до естественных в таких случаях отношений. Секс – иногда можно, но жениться – никогда! Единственное, чего боялся Вадим, так это то, что в один прекрасный момент Настя заявит о своей беременности. Но молодая женщина чувствовала настроение Вадима, она понимала, что, если она таким образом захочет привязать его к себе, то навсегда потеряет.

Когда умерла Наташа, Вадим был в ужасном состоянии, он даже, будучи рьяным атеистом, пошёл в церковь, но это не принесло покоя. Наоборот, Вадим ещё больше стал не доверять церковным служащим, которые твердили, что богу нужны так же и хорошие люди. Не удовлетворившись этим лукавым объяснением, он стал сторониться служителей культа, а когда они начинали уж явно наседать, ища своих адептов, тогда Вадим посылал их по матери – грубо, зато действительно.

Как сын в первые дни вёл себя после смерти матери, Вадим не помнил, но постепенно, когда его, что называется, отпустило, он стал замечать, что Сашка стал каким-то другим, сразу повзрослевшим что ли. Вот тогда он решил стать сыну не только отцом, но и другом. Вадим старался каждую свою свободную минуту быть рядом с Сашкой, но, к сожалению, это не так часто удавалось делать.

За завтраком, который состоял из традиционной яичницы с хлебом, Вадим поинтересовался как зовут нового классного руководителя.

– Гарпина Дормидонтовна, – ответил Сашка, и лукаво стал следить за реакцией отца.
– Я тебе сейчас дам, Дормидонтовна, – пригрозил Вадим. – Набедокурил и ещё смеётся!
– Её зовут Вероника Николаевна, – сказал сын уже серьёзно.
– Ишь ты – Вероника! Ладно, посмотрим, что это за Вероника. А какой предмет она у вас ведёт?

– Английский.

Они закончили трапезничать. Сашка пошёл собирать портфель, а Вадим стал мыть посуду, что опять же соответствовало утреннему ритуалу.

– Передай своей учительнице, что я приду ровно в пять, – крикнул из кухни Вадим.

– Передам, – отозвался из своей комнаты Сашка.

– Деньги есть на обед?

– Как всегда – нет, – ответил сын.

– Что значит «как всегда»? Я же тебе перед отъездом оставлял двадцать рублей.

– В столовке ничего нет, и приходилось затариваться у кооператоров, – по-взрослому ответил деловито Сашка.

С продуктами и правда становилось всё хуже и хуже. В магазинах прилавки зияли пустотой, а если что-то «выкидывали», то сразу же образовывалась такая очередь, что пропадало всякое желание вставать в её конец. Голод – не тётка, как известно, поэтому приходилось иногда жертвовать временем, и выстаивать длинную, как червяк, очередь, но всё же Вадим старался закупать продукты через знакомых продавцов. А таких нужных в нынешнее время людей у него было достаточно, так как Вадим кроме работы занимался в гаражах ремонтом двигателей автомобилей, что само по себе было прибыльным делом, приносящим дополнительный доход в бюджет семьи. Эта халтура помогала обзавестись такими связями, которыми позавидовали бы и народные артисты, ибо всем известно, что автосервис, как в прочем, и весь сервис в нашей стране, был ненавязчив. Вообще, в конце восьмидесятых годов двадцатого века в СССР дефицитом стало буквально всё, и поэтому без связей было не обойтись, а связи в сфере автосервиса считались наиболее значимыми.

Вадим был хорошим инженером, он ещё лет десять назад как-то помог в гараже устранить соседу неприятную поломку в двигателе «Жигулей», с которой не смог справиться местный Кулибин – дядя Жора. После этого слава о нём сама собой распространилась среди владельцев машин, а со временем перенеслась и за пределы кооперативных гаражей. Вадима стали часто просить владельцы машин о помощи в ремонте своих обожаемых стальных коней, которым он старался не отказывать, в следствие чего, вскоре, у него завелась толстая записная книжка с телефонами клиентов, среди которых были люди различных профессий. В том числе продавцы мясных и других отделов магазинов и универмагов. Привыкший всё доставать без труда, Вадим не очень понимал остальных людей, которым приходилось несладко в условиях рыночной перестройки.

На завтрак Вадим всегда, независимо от того, что находилось в холодильнике, готовил яичницу, которую обожал и приучил к этому незатейливому блюду сына. Вот и сегодня весь утренний ритуал был выдержан от начала и до конца.

– Пап, я пошёл, – возвестил сын родителя, и раздался щелчок закрываемого замка.

Оставшись один, Вадим вернулся в свою комнату. Убрал постель, он подтащил к креслу телефон, и усевшись в своё любимое ложе, стал просматривать записную книжку, ища нужный номер телефона. Наконец, Вадим нашёл его, вытянул ноги, и набрал номер. Выслушав нескончаемые гудки, Вадим с сожалением повесил трубку, решив связаться с абонентом попозже. На часах было ровно девять часов, когда он решил заняться уборкой квартиры, ибо не занимался этим уже довольно долгое время.

Двушка, доставшаяся ему от родителей, располагалась на углу улицы Фрунзе и проспекта Гагарина в Московском районе Ленинграда. Дом был «сталинский», построенный в конце

пятидесятых годов, что предусматривало хорошую кубатуру всех помещений. Окна Вадимовской обители выходили на широченный проспект, названный в честь первого космонавта, окна комнаты сына и окна кухни выходили во двор. Такое расположение комнат было очень удобным – утром солнце до двенадцати часов светило в окна большой комнаты, где располагался хозяин квартиры, а с двух часов пополудни освещало комнату Сашки. Квартира находилась на шестом, предпоследнем этаже, отчего вид из окон комнат, особенно той, что выходила на проспект, был сногшибательный. Все, кто приходил к ним в гости, были потрясены панорамой, открывшейся перед ними, но Вадим так уже привык к этому виду, не обращал на него никакого внимания.

Пылесос работал на полную мощность, когда прозвенел телефонный звонок. Вадим выключил сосущего монстра, и взял трубку.

– Привет, Вадя. Ты, конечно, раньше приехал, как я и предполагал, – раздался голос с хрипотцой.

– Здорово, Олежка! Ты был прав, я закончил раньше.

– Тогда подгребай к семи часам к «Кронверку», там нас будут ждать две симпатичные девицы.

Олег Чулков был отъявленным ловеласом и одновременно коллегой и лучшим другом Вадима.

– Постараюсь, Олег, я как раз пытался до шефа дозвониться и узнать, как там дела на работе, – Вадим, не отрывая трубку от уха, достал из кармана упругое резиновое кольцо и левой рукой стал его мять, разрабатывая кисть – это было его любимым занятием.

– Дела – хреновые, Вадя. Гамлет намекнул, что командировок в обозримом будущем не предвидится. Программы сворачиваются из-за недостатка финансирования, вот так!

– Ну и чёрт с ними, – ответил Вадим. – Будем здесь работать. Жаль, конечно, но что делать. А девчонки точно симпатичные, а то мне лень тащиться на метро? – вернулся он к первоначальной теме разговора.

– А ты что, не на машине разве будешь? – задал вопрос хитрый Олег.

– Мне надоело трезвым развозить ваше пьяное величество, – отшил Вадим попытки очередной провокации друга. На другом конце провода вздохнули, и через паузу сказали:

– Девочки из ресторана гостиницы «Ленинград», они там солируют, правда, я ни разу не слышал, но на мордашки вполне, вполне.

Пообещав Олегу, что непременно явится на randevу, Вадим дал отбой. Включив опять пылесос, он механически продолжил уборку, думая об Олеге.

Они познакомились лет десять назад, и познакомила их как раз его ушедшая из жизни жена Наташа. Она дружила с Олегом уже давно, когда они вместе работали в одном НИИ, но тогда Олег ещё учился в институте на вечернем, а Наталья служила лаборанткой в том же институте. Вадим их дружбу воспринял как само собой разумеющееся, и не делал каких-то выводов, хотя в глубине души подозревал их в интимной связи. Никто из троих никогда не заводил разговоров на эту тему, поэтому их дружба, даже после брака Вадима и Наташи, не подвергалась цунами ревности и подозрений. После смерти жены, как-то само собой получилось, что Олег и Вадим стали друг другу ближе. Смерть Наташи их сплотила, и теперь они не представляли жизнь друг без друга, хотя по характеру были далеко не ангелами. Олег был на пару лет постарше Вадима, но это на их взаимоотношениях никак не сказывалось. Правда, два маленьких недостатка немного раздражал Вадима в Олеге – неугомный друг был слаб к алкоголю и к женскому полу. Работа его всё же как-то сдерживала, но, когда Олег вырывался на свободу, удержать его было задачей непосильной. Непосильной для других, но не для Вадима. Он умел усмирять пыл своего друга, но это случалось только тогда, когда Чулков ещё не принял на грудь первую рюмку, после которой даже Вадим не мог его удержать. Да чего

греха таить – он и сам был не прочь частенько помогать в винно-водочных увлечениях друга, а после смерти жены и участвовать в любовных похождениях.

Теперь друзья работали вместе в отделе одного режимного предприятия, где испытывали приборы в разных климатических условиях, на сильную вибрацию, на другие внештатные ситуации. Армейские представители, находившиеся в соседнем помещении, частенько к ним заглядывали, внося свои коррективы и требования к приборам, которые разрабатывал их отдел и лаборатория при нём. Руководил отделом Борис Михайлович Шапиро по кличке Гамлет, прозванный так из-за внешней схожести с артистом Смоктуновским, когда тот играл эту знаковую роль. Правда, тутошний Гамлет был намного старше киношного, но это никого не смущало. Коллектив, состоящий из тридцати инженеров, был дружный спаянный, проверенный в многочисленных корпоративных вечеринках и других мероприятиях, поэтому Вадим часто шёл на работу с хорошим настроением, предвкушая встречу с неординарными личностями.

Вадим выключил пылесос, когда прошёлся по всей квартире. Потом он заглянул в ванную комнату, затолкал грязную кучу белья в стиральную машину, включил её на быстрый режим и уселся перед телевизором. Передавали новости. Молоденький корреспондент чуть ли не с пеной у рта расхваливал кооперативный магазин, который умудрился понизить цены на колбасу аж на три копейки. Вадим сам иногда отоваривался у кооператоров, но даже он со своей прибыльной халтурой мог себе позволить посещать этих рвачей не чаще двух-трёх раз в месяц. Что уж говорить о простых смертных!?

В том, что сейчас происходит в стране, Вадим редко задумывался – время не хватало. Но всё чаще из телевизора и других источников информации, он слышал о плачевном состоянии экономики. Вадим не лез в политику, не обсуждал её с близкими ему людьми, но иногда его втягивали в дискуссии на работе в курилке, интересуясь его мнением, и не отвечать было просто неудобно. У него были свои соображения на этот счёт – ещё в юношеском возрасте отец втолковал ему кто есть кто в нашем государстве, после чего у Вадима пропала всякая охота интересоваться политикой. По инициативе отца он в пятнадцать лет прочитал открытое письмо Сталину Ильина-Раскольниковца, и сделал вывод, что репрессии говорят о слабости самой идеи коммунизма. В институте Вадим посещал лекции по марксизму-ленинизму, но помня разговоры с отцом, скептически относился к идеям, которые пытались внушить студентам престарелые преподаватели. Революцию он воспринимал, как желание некой банды прийти к власти недемократическим путём, и все идейные послы лекторов пропускал мимо ушей. Ясно было только одно: одни хотели власть, другие хотели тоже, не прочь были вознестись и третьи, а страдала страна, страдал народ. Чувствуя, что скоро грянут перемены, Вадим и радовался, и огорчался, но больше огорчался, так как был консервативен и боялся каких-то глобальных потрясений, ибо его пока всё устраивало. В этом желании он был не одинок – многие, особенно пожилые люди, не хотели резких перемен, а временные трудности считали в порядке вещей, надеясь, что жизнь изменится к лучшему не сегодня, так – завтра. «Левые» заработки развратили Вадима, и поэтому он не замечал, как люди вокруг него всё больше озлобляются, всё больше возмущаются происходящим. Но нельзя сказать, что Вадим был конформистом, просто он не задумывался о перипетиях жизни, честно делая своё дело и растя сына.

Дослушав новости до конца, Вадим выключил телевизор, придя к выводу, что пустые полки в магазинах не замаскировать множеством консервных банок морской капусты. Власть пытается за счёт кооперации спасти положение, как это сделал в своё время Ленин, введя НЭП, но похоже, что страна не сможет справиться с кризисом. Вадим прошёл на кухню, заглянул в холодильник, и к своему удовлетворению отметил, что голодная смерть ему с Сашкой не грозит – почти все полки были забиты различными продуктами. Потом он заглянул в ванную, выдернул шнур стиральной машины из розетки, и стал развешивать только что постиранное машиной бельё.

Вернувшись в свою комнату, Вадим уселся за письменный стол, чтобы дописать доклад о командировке, который он начал, ещё будучи в Северодвинске. Сделав дело, он потянулся, и направился в кухню, чтобы сотворить обед. Готовить Вадим умел и любил, но время катастрофически не хватало, и вот теперь есть шанс показать сыну на что он способен. Вытащив кусок говядины из морозилки, Вадим залил его водой, оставив размораживаться, а сам начал чистить картошку и лук. Спустя час, он отбил мясо специальным кухонным молоточком, нарезал на средних размеров куски, затем посолил и поперчил с двух сторон. Достав сковородку, Вадим полил её растительным маслом, и аккуратно выложил на неё кусочки мяса. Затем он нарезал кольцами лук, и уложил его поверх мяса. Осталось повозиться с сыром. Взяв в руки трёхсотграммовый кусок Российского сыра, Вадим стал тереть его на тёрке, после чего этим натёртым сыром засыпал мясо с луком. Последним штрихом был майонез. Помазав им сверху всё своё сооружение, он отправил сковородку в духовку. Теперь можно немного расслабиться, ибо мясо созреет только где-то через час. Посмотрев на часы, Вадим обнаружил, что время прошло уже много, и до возвращения из школы Сашки осталось совсем чуть-чуть. Решив подготовить удочки для будущей рыбалки с сыном, он отправился в прихожую, где на антресолях хранились вещи для похода. Достав заслуженные во многих речных боях с рыбой атрибуты, Вадим сделал ревизию снастям. Провозившись час, он удовлетворённо смог констатировать, что всё, кроме наживки, к рыбалке готово – резиновая лодка, насос к ней, рыболовные снасти, двухместная палатка, топорик, фонарь и всякие другие мелочи.

На часах было почти два часа, когда послышался звук открываемой входной двери. Вадим ринулся к плите, открыл пасть духовки, и с удовлетворением увидел, что сверху майонез покрылся румяной корочкой – блюдо было готово!

– Что за запахи у нас? – спросил сын, входя в кухню.

– Мой руки, мой друг, тебя ждёт необыкновенное путешествие в мир деликатесов! – Вадим счастливо рассмеялся.

– Пап, я мигом, уж больно здорово пахнет! – воскликнул Сашка.

Вадим разложил по тарелкам порции мяса, добавил отварной картошки в качестве гарнира, и стал ждать сына.

Они славно пообедали. Похвала повару в устах Сашки, бальзамом пролилась на отцовскую душу. Мясо и правда получилось отличным. Такое блюдо в конце восьмидесятых могли себе позволить далеко не все, а если уж быть честным до конца, то редкие семьи. Но Вадим не заморачивался думами о других, для него главное было – накормить вкусно своего Сашку, что и удалось ему в полной мере.

– Много задали? – спросил отец.

– Вообще ничего, пап! Осталось всего два дня учиться! С понедельника в школу можно не ходить, ну, только тем, кто достойно окончил год.

– А ты достойно закончил?

– А то! Всего две тройки!

– Это по каким же предметам ты не дотянул? – спросил Вадим, заглядывая сыну в глаза.

– А, ерунда: английский и ботаника, – небрежно ответил мальчик.

– Вот это да! Английский ведь ведёт ваша классная руководительница! Как же ты так оконфузился у меня, Сашка?

– И ничего я не конфузился, – ответил сын, глотая остывающий чай. – Верка вечно придирается ко мне!

– Постой, что ещё за Верка, вашего же преподавателя зовут Вероникой Николаевной, на сколько я помню? Ты мне сам же ещё утром говорил.

– Так правильно я сказал – Верка!

– Из такого красивого имени сделали какую-то Верку, – Вадим укоризненно покачал головой. – Передал ей, что я приду ровно в пять?

– Ага.

– Сколько ей лет, этой вашей Верке?

– Не знаю, думаю, лет сорок, наверное, – ответил Сашка. – А здорово у тебя получилось мясо, папа.

– Ты, хитрец, мне зубы не заговаривай. Чем будешь сегодня заниматься?

– Мы с пацанами сегодня договорились на матч-реванш. Они вчера проиграли, а сегодня хотят отыграться, но фиг им, мы опять их обыграем!

– Спорт – это хорошо. Я поговорю сегодня с твоей учительницей, чтобы она тебя завтра освободила от занятий, тем более что это будет последний день учёбы в этом году. Поедем с тобой, друг, на рыбалку!

– Здорово! – Сашка заулыбался. – Будет как тогда, да, папа?

– Будет лучше, сын!

Они почти год назад ездили вдвоём на рыбалку – летом 1988-го. Тогда Вадим послал всех по дальше, и работу, и клиентов с их движками, и уединился с сыном на далёком озере на Карельском перешейке. Три дня и три ночи они вместе удили рыбу, собирали грибы, варили уху, вялили плотву, короче – были счастливы. Потом Сашка целый год вспоминал их вылазку на природу, просил повторить, но то работа в институте не давала Вадиму времени, то не хотелось упускать выгодных клиентов в гаражах, то Олег с девицами подворачивался не вовремя, но больше выбраться в такой поход не удавалось. Вадим, чувствуя свою вину перед сыном, старался выкроить время для похода, и вот только теперь появилась такая возможность.

– Я тогда не пойду играть в футбол! – заявил вдруг Сашка. – Буду весь день готовиться!

– Нет, друг, раз пообещал ребятам, так не подводи их, а собирать ничего, по сути, не надо – я уже всё собрал. Завтра только купим утром у мужиков на Финляндском вокзале червей и опарышей, и двинем на озеро.

– Я после игры всё равно всё проверю, – не отступал сын.

Вадим молча кивнул, поняв, что отнял у Сашки самое главное – суету сборов. Ведь, по большому счёту, сам праздник не так важен, как важна сама процедура подготовки к нему. Вы когда-нибудь замечали, какое у вас приподнятое настроение перед праздником? Вы суеитесь, предвкушая все праздничные мероприятия, но, как только заканчивается канун, и начинается сам праздник, вам становится грустно – всё уже позади. Того ожидания чего-то уже не будет!

Вот и сейчас, глядя на расстроенное лицо сына, Вадим понял, какую ошибку он совершил. Чтобы как-то загладить вину, он сказал:

– Слушай, Саня, я забыл из-за этого мяса сделать три важных вещи, а именно: разложить по ячейкам грузила, наточить топорик, и проверить лодку. Помнишь, мы тогда запихали её в резиновый мешок, не проверив днище и баллоны? Это никуда не годится! Твоя задача проверить лодку – надуть её и оценить на герметичность.

Лицо сына просияло. Теперь он в полной мере будет причастен к сборам!

– Ладно, занимайся делом, а я помою посуду и буду потихоньку собираться на встречу с вашей классной руководительницей.

Вадим быстро расправился с грязными тарелками, и пошёл в ванну принимать душ. Напевая что-то из репертуара «Песняров», он оглядел себя придирчиво в зеркале. На него смотрел молодой мужчина тридцати пяти лет от роду, с немного вьющимися тёмно-русскими волосами, с прямым, чуть курносом на самом конце, тонким носом. Выразительные тёмно-серые глаза смотрели на Вадима с чуть ироничной ухмылкой. Помяв лицо пальцами, он разгладил его всей пятернёй, после чего остался доволен увиденным, оно – это лицо – говорило, что его обладатель правильно и хорошо питается, и что повседневные заботы его мало волнуют – так, есть просто некоторые заморочки, которые решаются просто и без напряжения за счёт связей.

Вадим принял душ, во время которого плавно перешёл с «Песняров» на «АББУ», а когда споласкивался из душа звучало рингтоном «мани, мани». Вытираясь, Вадим представлял, как они с Сашкой поедут завтра утром на машине. Ехать следовало по Выборгскому шоссе, примерно, километров за двести от Ленинграда будет то озеро, на которое они ездили в прошлом году с сыном. Надо сегодня заправиться, подумал Вадим, чтобы завтра нигде не останавливаться.

Выйдя из ванной, он чуть не споткнулся о лодку, которую успел надуть Сашка. Усмехнувшись про себя усердию сына, Вадим прошёл боком в свою комнату, и стал одеваться. Расфуфыриваться перед новой классной он не собирался, поэтому одел белую хлопчатобумажную рубашку без запонок и костюм, в котором ходил на работу. Причесав чистые волосы, Вадим обрызгал голову дезодорантом, прыснул им же подмышки, и решил, что с туалетом покончено. Ровно в шестнадцать сорок он вышел из квартиры.

Школа, где раньше учился сам Вадим, а теперь учится его сын, находилась буквально в двух шагах от дома, нужно всего-то перейти улицу и пройти метров сто, что и он и сделал. Подойдя к учебному заведению, он потянул входную дверь на себя, и тут же услышал голос Максимовны:

– Кто там балует? Закрыто!

Вадим старался вспомнить имя бессменной уборщицы Максимовны, которая трудилась здесь ещё во времена его учёбы, но тщетно – в памяти засело только отчество. Старую уборщицу никто по-другому и не называл, поэтому Вадим перестал мучиться воспоминаниями, и сказал:

– Я пришёл к учительнице, она меня вызывала на пять часов.

Загремел ключ в замочной скважине, дверь открылась и на Вадима уставились два подслеповатых глаза:

– В школе никого нет, разве что на втором этаже сидит одна ненормальная. Тебя что ль ждёт?

– Меня, Максимовна, – ответил Вадим, протискиваясь мимо старушки.

Школу он знал как свои пять пальцев, поэтому без остановки поднялся на второй этаж, где находились кабинеты шеститиклашек. Найдя аудиторию с табличкой «ба класс», Вадим увидел, что дверь приоткрыта. Помешкав секунду, он открыл створку и замер. Вечернее солнце косо освещало класс, и в его лучах Вадим увидел девушку, сидящую боком к нему за учительским столом. Учительница ещё не видела Вадима, она, чуть высунув кончик языка, старательно что-то писала в толстом журнале. Её тёмные с лёгким коричневым оттенком волосы красиво ниспадали на плечи, накрывая салатного цвета пиджак. Короткая юбка почти такого же цвета чуть задралась, обнажая точёные бёдра, была даже видна резинка, державшая чулок. Вадим сглотнул, не решаясь нарушить такую картину. Он стоял, поражённый красотой учительницы. Её не портили даже очки, висевшие на кончике носа! Вероятно, учительница что-то почувствовала, скорее всего, жгучий взгляд Вадима, она повернула голову к двери, и спросила:

– Вы ко мне?

– Здравствуйте, я – папа Саши Каратова.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

Вадим с сожалением оторвал взгляд от ног учительницы и прошёл к парте, стоящей напротив учительского стола. Откинув крышку, он постарался втиснуть своё крупное тело на сиденье, но из этого ничего не вышло. Тогда Вадим оставил попытки сесть нормально, и прислонился к парте, стоящей сзади него.

– Вы...

– Меня зовут Вадимом, – помог он учительнице.

– А по отчеству...

– Желательно просто Вадим, но, если вы настаиваете... Петрович.

– Вадим Петрович, я вас вижу в первый раз, почему вы не приходите на родительские собрания?

– Я занятой человек, Вероника Николаевна, а в школу за меня ходит соседка. Если что-то не так, то она мне всё передаёт.

– Я уже почти год веду класс, и за весь год вы ни разу не выкроили время, чтобы поинтересоваться, как дела у вашего сына.

– Вероника Николаевна, я бы раньше пришёл, если б знал, что ВЫ ведёте класс моего сына, – искренне сказал Вадим, любясь красивым лбом педагога. Сашка наврал, или просто не разбирается ещё в возрасте – классной даме на вид было не больше двадцати пяти.

Молодая учительница опустила взгляд на журнал и... покраснела! Вадим, не ожидавший такой реакции на его неуклюжий комплимент, на миг растерялся, потом удивился – так мило краснеть могут только восьмиклассницы. Учительница между тем уже оправилась от смущения и сказала:

– Ваш Саша хороший мальчик, но иногда его поведение выходит за рамки дозволенного.

– Поясните, – попросил Вадим, не отрывая взгляда от лица учительницы.

– Не далее, как три дня назад, он разбил лицо Мише Николаеву.

– Сашка мне сказал, что заступился за какую-то девочку.

Вероника Николаевна помолчала, потом ответила:

– Был, конечно, момент рыцарства со стороны Саши, но так жестоко бить своего одноклассника...

– Жестоко? Что он сделал?

– Он... он заставил Мишу лизать ботинки Юли Михайловой.

Вадим от души расхохотался:

– Так вот что вы называете жестокостью! Вероника Николаевна, школа должна учить мальчиков уважать девочек и защищать их, не так ли? Вот я сыну это и внушаю!

– Но он, воспользовавшись превосходством в физической силе, унизил Мишу.

– Вы предлагаете оставлять безнаказанным унижение девочки? – Вадим наслаждался разговором с молодой красивой учительницей.

– Я этого не говорила, но нельзя же так... жестоко.

– Нужно! Чтобы в следующий раз неповадно было!

Вероника Николаевна вдруг улыбнулась, сняла очки и внимательно посмотрела в глаза Вадиму:

– Между нами, Вадим Петрович, я – за вас! Но инцидент произошёл на глазах всего класса, и я просто была обязана отреагировать.

– Я всё понимаю, Вероника, – он специально опустил отчество, следя за реакцией учительницы.

Ресницы девушки дрогнули, она опять опустила глаза на журнал и тихо ответила:

– Я ещё слишком молодой учитель, и вы меня не воспринимаете...

– Нет, что вы! Просто отчество вам не идёт, оно вас старит, а это плохо! – перебил он. Голос Вадима звучал искренне-убеждённо. – А очки вас совершенно не портят, – добавил он.

Вадим любовался девушкой. Она ему напомнила Наташу, обе отдалённо были похожи друг на друга, только у учительницы лицо было немного покруглее. Но вот она – та же врождённая женственность, та же грация, та же чуть наивная непосредственность, ещё не успевшая огрубеть, исчезнуть под тяжестью превратностей жизни.

– Что вы такое говорите?! – она снова покраснела.

– Как там с успеваемостью, Вероника, ведь у Саши тройка по вашему предмету, – перевёл разговор Вадим на другую тему.

– Да, у него две тройки: одна по ботанике, другая вот по моему предмету.

– Почему так произошло? – задал он вопрос.

– Понимаете, Вадим Петрович, Саша часто спорит со мной, доказывая, что некоторые слова я произношу неправильно.

– Он вас учит произносить английские слова!? – удивлению Вадима не было предела.

– Да! Вы только подумайте! А происходит это потому, что он много слушает зарубежной музыки. Понимаете, есть много рок-групп, у которых английский язык не родной. Взять ту же «АББУ»! Шведы, голландцы и другие представители европейских стран, чтобы пробиться на вершину славы, вынуждены петь свои произведения на английском, но это их не родной язык, они многие слова произносят неправильно, а ваш сын, наслушавшись пластинок, старается произносить слова так же, как он их слышит с проигрывателя. Это губит все мои старания научить его правильному произношению.

– Вот оно что, – сказал Вадим, – я проведу с ним профилактическую беседу, обещаю!

– Постарайтесь внушить Саше, что он не прав.

– Ну, раз у вас не получается, то придётся мне, – усмехнулся Вадим, с интересом наблюдая за молодым педагогом.

Вероника Николаевна кивнула головой, закрыла толстый журнал, давая понять, что разговор подошёл к концу.

– Я прошу вас отпустить Сашку в пятницу и субботу, мы с ним наметили съездить на рыбалку, другого случая у меня не представится, – поспешил сказать Вадим.

– Но с понедельника начнутся каникулы...

– А у меня начнутся горячие денёчки на работе. Поверьте, другого времени мне не выкроить!

– Хорошо, Вадим Петрович, пусть не приходит, но учебники пусть сдаст тогда в понедельник – учительская будет открыта.

Вадим встретился взглядом с Вероникой Николаевной. Огромные глаза девушки смотрели на него каким-то беззащитным, чего-то ждущим взором. Вадиму показалось, или это было на самом деле, но во взгляде учительницы он прочёл что-то большее, чем простой интерес классного руководителя к отцу своего ученика. Очки немного увеличивали глаза, и от этого казалось, что девушка удивляется его нерешительностью. Или Вадиму это просто почудилось?

– Хорошо, я ему скажу.

– Ещё постарайтесь внушить сыну, что драться не хорошо, и что в следующий раз он так легко не отделается, и...

– Непременно, – перебил снова учительницу Вадим, жадно пожирая глазами лицо Вероники Николаевны. Он вдруг почувствовал такое желание, с которым трудно было совладать. Вадима бросило в жар, он сделал шаг в направлении учительского стола, потом резко развернулся, и направился к двери. Повернув ключ, торчащий из замочной скважины, он вернулся и, не отдавая себе отчёта, взял за руку молодого педагога:

– Вероника, к чёрту все ваши учёбы, вы мне нравитесь!

Лицо учительницы залил ещё больший румянец, она встала со стула, и не отвечая на дерзкие слова мужчины, стала складывать в стопку тетради и журналы, лежащие на столе. Вадим уже еле сдерживался, он развернул к себе Веронику, и впился губами в уста учительницы. Стул с грохотом опрокинулся, девушка дёрнулась, пытаясь вырваться из железных объятий мужчины, но вдруг обмякла, Вадим почувствовал, что Вероника отвечает на поцелуй. Тогда он стал покрывать поцелуями шею девушки, пока не достиг грудной впадины. Дыхание у обоих участилось, Вадим запустил левую руку к груди Вероники и стал ею лихорадочно расстёгивать пуговицы на блузке. Упругая молодая грудь оказалась у него в руке, Вадим чуть склонил голову, и языком стал ласкать коричневый сосок. Вероника Николаевна застонала, руками она ещё пыталась сдерживать напор Вадима, но это оказалось тщетно, он только ещё больше возбудился. Прижав к себе девушку правой рукой, левой он пытался добраться до подола юбки. Вскоре ему удалось достать до заветного треугольника Вероники. Вадим стал рукой делать дви-

жения вверх-вниз, лаская промежность. Через тонкую ткань трусиков, он нащупал выпуклость на треугольнике и ускорил движение рукой. Настал кульминационный момент: или сейчас всё прекратится, или Вадим добьётся своего. Вдруг Вероника сама взяла руку Вадима и положила её к себе на грудь, свои же руки опустила вниз, стягивая трусики с бёдер. Вскоре поза стала настолько неудобной, что она прекратила попытки доделать задуманное до конца. Тогда Вадим сам ногой движением вниз придал трусикам ускорение, и они оказались на шиколотках Вероники. Сбивая все предметы со стола, он приподнял девушку и положил её спиной на столешницу. Не забывая ласкать промежность, Вадим не переставал целовать уста и шею Вероники. Через минуту он разогнулся и вошёл в неё! Активность обоих продолжалась довольно долго, Вадим старался доставить любимой как можно больше удовольствия, не форсируя событий. Но вот оба достигли апогея, Вероника изогнулась, на мгновение что-то взорвалось у них в головах, и опустошённые партнёры замерли, растягивая момент блаженства.

Вадим наклонился к лицу девушки и крепко поцеловал её в губы:

– Теперь ты можешь подать на меня в суд за изнасилование, – прошептал он.

Вероника смотрела на Вадима томным взглядом, не соображая, что он ей говорит. Но вот она стала приходить в себя, взгляд стал осмысленным, девушка пошевелилась под Вадимом, тоже шёпотом ответила:

– Ты воспользовался моей слабостью, но я не жалею.

Он вышел из неё, ещё раз поцеловал в губы и сказал:

– Я сейчас уйду, Вероника, но теперь мы связаны на всю жизнь, поэтому я не прощаюсь, а говорю: «до свидания». Я уезжаю на три дня, но потом нам надо обязательно встретиться! Я без тебя не могу! Давай сделаем так: вечером в воскресенье я приеду, и ты меня будешь ждать возле школы! Скажем, часов в восемь. Договорились?

Вероника соскользнула со стола, быстро нагнулась, подбирая трусики, и умчалась из класса. Вадим привёл себя в порядок, присел опять на парту и закурил сигарету. Курил он редко, в день сигарет десять в среднем, это происходило в основном тогда, когда он нервничал, или когда наоборот расслаблялся после проделанной работы. В данный момент он, конечно, нервничал, гадая, как поступит Вероника в создавшемся положении. Он подошёл к окну, открыл форточку, выпуская дым на улицу. Прошло минут пятнадцать, а Вероника всё не возвращалась. Вадим решил дождаться девушку, он собрал все упавшие на пол журналы и тетради, сел на учительское место, открыл первый попавшийся журнал на столе. Листая его, он прислушивался к звукам снаружи, но кроме визга малышей с улицы в аудиторию ничего не проникало. Через минут десять Вадима охватило беспокойство. Вероника могла отреагировать на то, что произошло по-разному. Вадим даже допускал появление милиционеров, хотя в глубине души не верил в подобный исход. Прошло ещё пять минут, и вот дверь закрипела, и в класс вошла Вероника Николаевна. Очки она держала в руке, волосы были приведены в порядок, блузка застёгнута на все пуговицы – вид у Вероники был строгий, можно сказать, неприступный. Выдавали учительницу глаза: в них плескались нежность и удовлетворение. Вадим слез со стула, взял за руку Веронику и хотел что-то ласковое сказать, но девушка его опередила:

– Не надо ничего говорить Вадим Петрович, не портите... всё!

Вадим проглотил слюну и готовые сорваться с его губ слова. Он молча поклонился и пошёл к выходу из класса. Уже в дверях он остановился и промолвил:

– Вероника, я жду тебя около школы в восемь вечера в воскресенье.

Она ничего на это не ответила, после паузы сказала:

– Возьмите список книг, их Саше надо прочесть за время каникул, – она протянула ему листок.

Вадим взял протянутый лист, и молча вышел из класса.

Он шёл по гулким коридорам пустой школы и его душа пела. Такого с ним ещё не было! Не было не в плане секса, а в плане чувств. Впервые за многие годы эта девушка пробудила в нём мужчину, который готов для своей женщины на всё! После смерти жены у Вадима были женщины, с которыми он проводил определённый промежуток времени, но все они только удовлетворяли его мужские потребности, но не более. И вот сегодня он встретил ту, с которой готов был соединить свою судьбу до конца своих дней! Он даже не стал думать, что характер у его избранницы может быть скверным, он просто этого не допускал, приведя для себя довод, что учить оболтусов может человек только с хорошей, крепкой нервной системой. Немного настораживала та лёгкость, с которой он добился сейчас желаемого, но это он объяснял сексуальным голодом молодой женщины. Тут же, правда, ему возражал невидимый противник: как такая красивая молодая девушка может оставаться долго без мужского внимания!? Чтобы ответить на этот вопрос, надо поближе познакомиться с её родными и близкими, подумал Вадим.

Уже выходя из школы, его обожгла неприятная мысль: а что, если сама Вероника посчитает это просто эпизодом в своей жизни!? Что, если она даже не думает о продолжении их отношений!? Решив для себя добиваться Вероники любыми путями, Вадим немного успокоился. Потом он представил, как они с Вероникой будут обустраивать свою жизнь. Первым делом, конечно, надо расписаться, чтобы уже никогда и никуда не отпускать любимую, потом надо её уговорить переехать жить к нему – с Сашкой он всегда договорится. Потом... Приятные размышления прервала толстая тётка, стоявшая на остановке автобуса:

– Смотри куда прёшь, придурок.

Вадим не заметил, как ногой задел большой баул толстухи. Не среагировав на «придурка», он вежливо ответил:

– Извините, пожалуйста, я не хотел, право.

Толстуха, готовая было продолжить скандал, не нашлась, что ответить на такое вежливое извинение, она покрутила пальцем у виска, а счастливый Вадим продолжил шествие к магазину. Перейдя дорогу, он зашёл в булочную и купил две буханки хлеба, после чего направился в сторону школьного стадиона, где рассчитывал встретить сына. Сашки на стадионе не было. Пятеро пацанов гоняли мяч поперёк футбольного поля, пытаясь загнать спортивный снаряд между двумя портфелями, которые обозначали ворота. Немного понаблюдав за ребятами, Вадим решил вернуться домой, здраво рассудив, что Сашка ещё трудится над порученным ему заданием. Открыв дверь квартиры, он услышал шипение сдуваемой лодки – сын завершал проверку плавсредства.

– Привет, Вадим, – из-за угла комнаты вышла в коридор Анастасия Голубева. – Вы собираетесь на рыбалку? – полувопросительно сказала соседка. – Мне Саня сказал.

– Да, Настя, поедем на три дня! – ответил Вадим, улыбаясь.

– Я тоже сейчас смогла бы поехать – у нас на работе затишье, – с намёком сообщила Голубева.

Вадим пропустил мимо ушей сказанное соседкой.

– Сашка, как у тебя дела?

Сын появился в коридоре, держа в руках плоскую коробочку с крючками:

– Пришлось перебрать все крючки, – деловито сообщил Сашка, – там надо было ещё откусить старые обрезки лески.

– Отлично! – Вадим сиял.

– Как прошло с Веркой? – спросил после паузы сын.

– Великолепно! Она прекрасная девушка, друг, а вовсе не какая-то Верка! Ещё раз услышу, что ты так называешь Веронику – уши оборву, понял!

Сын удивлённо посмотрел на отца, почесал затылок и кивнул головой, не решаясь что-то возразить.

Анастасия подозрительно посмотрела на Вадима, делая для себя кое-какие выводы.

- Может вам помочь собираться? – спросила она.
- Настя, всё прекрасно, мы сами всё сделаем, правда друг?!
- Угу, – промычал Сашка, недоумевая, почему отец так вспылал.

Голубева прошла на кухню, заглянула в холодильник, делая ревизию, захлопнула его, и сказала:

- Приедете, и поесть нечего будет – готовых блюд нету.
- А мы, Настенька, купим по дороге в домовой кухне, – отозвался Вадим, помогая Сашке распутывать леску у крючка.

– Всё бы вам кушать всякую гадость! – воскликнула женщина. – Я бы вам сварила настоящий обед... сейчас.

- Не стоит беспокоиться, Настя, – ответил весело старший Каратов.
- Ну, как знаете, – вяло сказала соседка, поняв, что её вежливо выпроваживают.

После её ухода, Вадим спросил у сына:

- Сашка, как ты думаешь, женщина в нашем доме будет полезна?

Сын подошёл к вопросу с полной ответственностью:

– Если она будет приходить и готовить, то это – можно, а если жить будет здесь, то я – против.

- Даже, если эта женщина будет мне женой?
- А ты собираешься жениться, папа?
- Пока – нет, но теоретически – возможно.

Сашка помолчал, переваривая информацию, потом по-взрослому вздохнув, ответил:

– Когда-нибудь это случится, что я не понимаю, что ли. Только, пап, женись на не вредной тётке, а то нам будет плохо.

Вадим рассмеялся:

- Друг, я сам на такой не женюсь, поверь мне!
- А что, есть кандидатуры? – задал вопрос Сашка.

Сын действительно вырос ментально, подумал Вадим. Год назад, он бы такой вопрос не задал бы.

- Кандидатуры, как ты говоришь, рассматриваются, но это свершится ещё не завтра.

Сашка кивнул головой, и попросил передать ему ножницы. Каратов передал сыну ножницы, и сбежал в свою комнату, чтобы позвонить Олегу. Но домашний телефон друга не отвечал – скорее всего, Олег поехал на свидание прямо с работы, не заезжая к себе.

Тащиться на randevу с сомнительными девицами после всего, что произошло в школе, Вадим категорически не хотел. Теперь кроме Вероники других девушек для него не существовало. Олег скоро сам позвонит, решил Вадим. Он прошёл на кухню и стал откладывать продукты, которые собирался взять с собой. Набралось довольно много: на свет божий с нижней полки холодильника были вытащены две палки полу-копчёной колбасы, три банки тушёнки перекочевали из кладовки в полиэтиленовый мешок, с буфетных полок были изъяты килограммовые пачки риса и гречневой каши. Ко всему этому богатству были добавлены две буханки хлеба и репчатый лук с пакетиками различных приправ. Оглядев все продукты, Вадим остался доволен – с голоду они с Сашкой точно не помрут!

- Ты так и не пошёл играть в футбол, друг? – спросил Каратов сына.
- Не-а, ещё наиграюсь – всё лето впереди, – ответил Сашка, и Вадим в который раз убедился, что его сын повзрослел.

– Тогда сносим потихоньку всё в машину, чтобы утром не носиться с пакетами.

Машину – светло-бежевые «Жигули» шестой модели – Вадим купил два года назад, продав свою старую «копейку». Пришлось изрядно добавить, но зато он стал обладателем добротной машины, которая котировалась у автолюбителей в те времена довольно высоко. Иномарки ещё были редкостью на российских дорогах, правда, «восьмерки» и «девятки» были по ста-

тусу выше, но Каратов их невзлюбил по двум причинам: во-первых, они напоминали внешне зубило – их так и прозвали, а во-вторых, электроника часто выходила из строя, что очень нервировало автолюбителей. Решив остановиться на классике, Вадим не прогадал, он был уверен в своей машине, и не боялся отправиться на ней в длительное путешествие.

Вадим достал из кладовки палатку, взвалил её на плечо, и известил сына:

– Друг, я взял палатку, а ты тащи вниз лодку.

Машина Вадима почти всегда стояла во дворе под окнами, в гараж он её ставил только тогда, когда уезжал на несколько дней в командировку. Таким образом автомобиль всегда был у него под рукой. У Каратова стояли мощные защиты от угона, поэтому он не очень переживал по этому поводу. Бывали, правда, случаи, когда ворьё пыталось вскрыть его машину, но, к счастью, эти попытки пресекались громким воем сирены, от которой злоумышленники бежали без оглядки – настолько сирена зловеще и очень шумно вопила на всю округу.

Вадим положил палатку в багажник, закрыл его и хотел уже пойти навстречу Сашке, как на его плечо легла чья-то рука. Каратов вздрогнул от неожиданности и повернул голову. Перед ним стоял Вовка Жмуркин – мужик лет тридцати, живущий в его парадной на втором этаже.

– Привет, Петрович, ты не послушаешь мою ласточку, а то там что-то появился какой-то подозрительный шум?

Вовка безобразно относился к своей машине, она всегда была грязной, обшарпанной, как будто её специально готовят к конкурсу за звание самого неухоженного автомобиля.

– Ты собираешься в поход? – спросил Жмуркин, кивнув на багажник машины.

– Привет, Вова. Да, собираемся с сыном на рыбалку. Что там у тебя?

Они подошли к «пятерке» Жмуркина, которая стояла сразу за машиной Вадима, Владимир открыл капот, потом влез на водительское сиденье и повернул ключ зажигания. Двигатель не сразу, но завёлся. Послушав его работу с минуту, Вадим дал команду глушить.

– Вова, тебе надо поменять подшипник у помпы, или заменить всю помпу, отрегулируй так же натяжение цепи, и наконец, когда ты в последний раз регулировал клапана?! Так же нельзя ездить, Вова!

Жмуркин почесал курчавую голову, где уже намечалась изрядная плешь, вздохнул и сказал:

– Нет времени, Петрович, коммерция, сам понимаешь.

– Ты бы поменьше возил на своей «ласточке» дрова, может она тогда проживёт ещё немного!

– Да какие там дрова, Петрович, вожу иногда продукты, вот и всё! – ответил коммерсант-спекулянт.

Вадим хмыкнул и закурил сигарету:

– Володька, то, чем ты занимаешься называется спекуляцией и...

– А сейчас я предприниматель, Вадим, – перебил сосед. – Ты посмотри, весь запад этой штукой занимается, и ни у кого не возникает вопросов!

– Ну-ну, – выдал из себя Каратов, помогая Сашке запихивать лодку в багажник. Кивнув на прощание «коммерсанту», Вадим вместе с сыном скрылись в подъезде.

Они сделали ещё одну ходку вниз, после чего Вадим сказал:

– Слушай, друг, а чего мы будем ждать до завтра? Давай сегодня и рванём!

Глаза сына загорелись:

– Точно, пап! Подумаешь поздно приедем, зато рано утром уже закинем удочки! – в восторге воскликнул Сашка.

Эта идея, только что пришедшая в голову Вадиму, ему самому понравилась – действительно, чего ждать, когда всё собрано! Каратов посмотрел на часы: девятнадцать тридцать пять.

– Часа через три будем на месте, Сашка! Белые ночи уже наступили, так что в полной темноте мы не будем, в случае чего, подсветим фарами! Айда переодеваться!

Они поднялись в квартиру и начали одевать походные костюмы, которые уже много лет служили им для этой цели. Облачившись в защитного цвета куртку и такие же прорезиненные штаны, Вадим на ноги напялил мягкие кроссовки – тяжёлые болотные сапоги уже были в машине. Сашку пришлось одевать подольше, так как те вещи, в которых он ездил на озеро в прошлом году, стали ему малы. Подумав, Вадим дал Сашке свой старый свитер, а вместо куртки надел ему свою старую брезентовую накидку с подкладкой, в которой выходил выбивать ковры, с сапогами повезло – нога хоть и выросла, но резиновые говнодавы, как их называл Каратов-старший, были заранее куплены на пару размеров больше. Когда они уже хотели выходить из квартиры, раздался телефонный звонок. Вадим догадывался, что звонит возмущённый Олег, и он не ошибся.

– Ну, и где вас черти носят, ваше величество? – хрипло-возмущённо спросила трубка голосом Олега.

– Олежек, извини, но я сегодня не приду, мы сейчас уезжаем с Сашкой на рыбалку.

– Без меня?! – Голос Олега зашёлся от возмущения.

– Да пойми ты, дурья голова, у меня такой шанс выпадает не часто, вспомни о чём я тебе говорил!

Вадим и правда много раз сетовал Олегу, что не может сыну уделять много внимания, как хотелось бы, что мечтает вдвоём с сыном поехать на рыбалку – именно вдвоём. Олег был хорошим другом, он сразу сообразил, что к чему, и сразу дал задний ход:

– Ладно, на счёт рыбалки – принято. А вот на счёт девушек... Скажу девушкам, что ты заболел тропической лихорадкой!

– Вот и славно, Олег! Всё, мы поехали!

– В понедельник появишься на работе?

– Конечно!

– Щука с тебя! – и Олег повесил трубку.

Через десять минут светло-бежевая «шестёрка» неслась в северном направлении, в сторону красивого озера на Карельском перешейке.

2.

Негромкая музыка неслась из двух динамиков, расположенных на задней панели. Сашка наслаждался поездкой, сидя на переднем сиденье рядом с водителем. Ещё в прошлом году отец не разрешал ему находиться впереди, так как по правилам дорожного движения ребёнку до двенадцати лет там сидеть было нельзя. Но теперь сын полноправно занимал место спереди, и от этого Сашке было радостно, в его душе звучала песня, от ощущения счастья – ехать вдвоём с отцом, да ещё видеть, как капот подминает под себя километры тёмно-серого асфальта!

Они уже проехали Ольгино, с его знаменитой гостиницей-кемпингом, где часто любят останавливаться иностранные туристы. Дорога шла то по прямой, то делала плавные повороты, то шла вдоль леса, то вдоль красивых дачных домиков. Сашка во все глаза смотрел на ленту шоссе и на меняющуюся с каждым километром пройденного пути обстановку за окном. Вадим вёл машину спокойно и уверенно, как водят машину люди с приличным стажем вождения. Настроение у старшего Каратова было под стать Сашкиному – оно было великолепным. Когда они отъехали от Ленинграда на приличное расстояние, Вадим поинтересовался у сына:

– Послушай, друг, а почему ты сказал, что Веронике Николаевне сорок лет? Разве она выглядит на столько?

Сашка повернул к отцу голову и ответил:

– Мне так показалось, учителя все старые.

– Ты не прав оказался, ей от силы лет двадцать пять, а то и меньше.

– Ну-у, не знаю, может быть. ... А почему ты спрашиваешь?

– Меня просто заинтересовала ваша классная руководительница, – туманно ответил Вадим. – Тем, как она отреагировала на то, что я тебя поддержал.

– А как она отреагировала? – спросил Сашка.

– Ты не поверишь, друг, она согласилась со мной!

– А чего тогда она тебя вызывала? – резонно спросил сын.

– Ну, ... ей же надо было как-то показать другим ученикам, что драться в школе не положено.

– А, значит она сказала, что я всё-таки прав, что набил морду Мишке! – завопил Сашка от восторга.

– Ты не очень-то радуйся, драться всё равно нельзя. Но скажу тебе по секрету: я сразу после этого зауважал вашу учительницу. И ты, друг, относись к ней с должным уважением. Договорились?

– Легко, – ответил сын.

Вадим кивнул головой. Сашка сделал магнитолу погромче – оттуда неслась песня немецкой рок-группы, популярной в то время. Вадиму ничего не оставалось, как думать о прекрасном, то есть о Веронике Николаевне. Он всё никак не мог понять, почему эта красивая девушка в статусе учителя английского так отозвалась на его порыв. Нет, он, конечно, был этому несказанно рад, но, когда в нём вспыхнула страсть, необузданная страсть, он даже в мыслях не мог представить, что Вероника так легко пойдёт на близость! Да ещё при первой встрече! В чём здесь дело? Есть два варианта, рассуждал Вадим: или она так же без ума от него, как и он от неё, или она безрассудная блядь. Представив второй вариант, Вадим содрогнулся. Потом он стал вспоминать поэтапно, как всё произошло. Да, получилось грубовато, но некоторые девушки это любят, неужели Вероника относится к данной категории!? Хотя, – нет, он был не груб, а скорее, порывист. Он даже был через чур ласков для себя, но это объясняется тем, что он сразу и бесповоротно влюбился!

Вадим так увлёкся рассуждениями, что они чуть не привели к трагедии: большая грузовая машина оказалась в опасной близости от «Жигулей». Вадим прозевал момент торможения грузовика, но вовремя спохватился. Вытерев холодный пот со лба, Каратов покосился на сына. Сашка, как ни в чём ни бывало, смотрел в окно, не заметив смертельную опасность, грозившую им только что. Скорость на трассе всегда как-то скрадывается, вернее, к ней привыкаешь, и не замечаешь, что несёшься со страшной силой. Это становится заметно особенно тогда, когда проезжаешь населённые пункты. Скинув скорость до шестидесяти, ты вдруг ловишь себя на том, что тащишься, как черепаха! Вадим вспомнил, как Высоцкий сравнил бешеную скорость: «песчинка обретает силу пули». А ведь и правда!

Больше Каратов себе не позволял отвлекаться на трассе, и расслабился только после того, как они свернули на просёлочную дорогу. Здесь машину ждали испытания на прочность – усталая булыжниками якобы дорога подвергала автомобиль и находившихся в нём людей страшной тряске, которая напоминала Вадиму испытания приборов на вибрацию. Подвеска работала на износ, подвергаясь нешуточным испытаниям. Но вот и эта полоса препятствий пройдена, машина покатила по мягкой грунтовой дороге, и вскоре Вадим нажал на тормоз и выключил зажигание. Приехали!

Выгрузившись, они сразу развели с сыном костёр. Теперь в обязанности Сашки входило поддержание огня, сам же Вадим занялся установкой палатки. Когда с этим было покончено, они сели у костра и занялись приготовлением ужина. Решили не особо заморачиваться, отварив макароны и открыв банку тушёнки. Солнце уже зашло, но было светло – можно даже без напряжения читать газету. Поужинав, они сели у костра и стали любоваться озером. Видимость из-за тумана над водой, правда, была не очень, но зато было тихо и спокойно – вокруг ни души.

– Сегодня людей здесь не будет, приедут завтра вечером, когда закончится трудовая неделя, – сказал Вадим, отгоняя злобного настырного комара. – Я сейчас.

Он вспомнил, что в «бардачке» у него лежит бутылка портвейна. Порывшись в рюкзаке, Вадим нашёл и бутылку пепси-колы. Принеся их к костру, он вручил Сашке одну с тёмно-коричневой жидкостью, другую – с более светлым напитком, поставил возле себя.

– Давай, друг, немного расслабимся, – Вадим сделал большой глоток прямо из горлышка.

Сашка, подражая отцу, тоже запрокинул голову, глотая терпкую жидкость прямо из бутылки.

– Может так случиться, Сашка, что в командировки я больше не поеду, – сказал Вадим.

– Так это здорово! – обрадовался сын.

– Не скажи. Денег будут меньше платить, но зато времени заниматься машинами прибавится, и, наверное, денег будет даже побольше. Хотя, сейчас трудно что-то прогнозировать, Сашка, начинается какая-то неразбериха. Я вот сегодня зашёл в булочную купить нам хлеба в дорогу, так на прилавках не увидел многих продуктов, которые раньше лежали себе спокойно, и никто их покупать не хотел. А вдруг их не стало! Это наводит меня на плохие мысли, сын.

– А почему ты тревожишься, папа? Ну, нет этих продуктов, можно купить другие, – Сашка наивно посмотрел на отца.

– В том-то вся и загвоздка, друг, что другие товары тоже пропадают. Если так дальше пойдёт, то работники торговли скоро будут царьками, а мы будем, высунув язык, за ними охотиться!

Вадим уже выпил половину своего портвейна, и его мысли потекли по оптимистическому руслу.

– Но не будем отчаиваться, сын! Не пропадём! А если я ещё женюсь, то будет совсем хорошо!

Вадим вдруг замолчал, поняв, что сболтнул что-то лишнее, не предназначенное ещё для ушей сына. Сашка же отреагировал сразу:

– Ты хочешь жениться? Ты же говорил, что у тебя даже кандидатуры нет!

– Ну, это я образно, Сашка. Рассуждаю так.

Сын сделал глоток пепси-колы и ответил:

– Папа, я думаю ничего не понимаю? Женись на Насте Голубевой. Она и готовит вкусно и вообще... я к ней привык.

– Ну, что ты, друг, неужели женятся только из-за еды? А человеческие качества, а внешность, в конце концов... а любовь?

Сашка пожал плечами, не найдя что ответить. Подумал немного и сказал:

– Любовь, это когда мне нравится какая-то девочка?

– Вроде того, Сашка, только это не совсем то: «нравится»! Любовь, это, ... как бы тебе сказать? Это надо чувствовать, друг. Любовь, это – ... ну, представь, что ты умрёшь, если какого-то человека не будет рядом. Любовь мучает, если она без взаимности, но и окрыляет человека, заставляя его идти на такие поступки, на которые он не решится идти, будучи не влюблённым. Любовь, Сашка, такая штука, что без неё человек не может полностью себя реализовать в этом мире... Я не завидую тем людям, которые не познали это сильное чувство, они ущербны, по-моему. Каждый всё-таки когда-нибудь испытывал нечто подобное, но не каждому удавалось испытать настоящую любовь! Без любви человек – не человек, он не живёт, а существует, Сашка! Без любимого человека ты не проживёшь! Всё просто! Если ты чувствуешь, что без этого человека ты умрёшь, то это и есть настоящая любовь!

– Как это умру? – не мог понять смысл сын.

– Ну, вот умрёшь, потому что тебе будет так плохо без этого человека, что просто сдохнешь!

– Здорово! – воскликнул Сашка. – А ты без кого сейчас жить не можешь?

– Я? Без тебя не могу, ... без ещё одного человека, но об этом я тебе как-нибудь в другой раз расскажу. Послушай, а какие книги ты прочёл за последнее время?

– Всего Гайдара, частично Кассиля, и этого, как его, ну про сыщика ещё пишет, про Шерлока Холмса.

– Его зовут Конан Дойль.

– Во, он самый.

– Тебе бы «Евгения Онегина» прочитать, но боюсь, что тебе рановато.

– Мы его будем проходить через три года, – сказал Сашка.

– Да, сейчас рановато. Но у Гайдара тоже есть про любовь.

– Мне так хотелось, чтобы Женя была вместе с Тимуром, – ответил сын. – Они всё время как-то не вместе всё делают, а видно, что хотят вместе, – не очень связно объяснил Сашка.

– Да, приходят на ум эти моменты, – подтвердил Вадим. – Помнишь, как он ей помог встретиться с отцом, а она за это его поцеловала?

– Ага, помню! Это и есть любовь?

– Понимаешь, Сашка, в твоём возрасте это ещё влюбчивость, она проходит со временем, а настоящая любовь застаёт тебя в более зрелом возрасте, – Вадим откинул пустую бутылку. – Ладно, давай ложиться спать, друг, а то мы утреннюю зорьку проспим.

Они затушили костёр, залезли в палатку, и быстро заснули, утомлённые дорогой.

Утром Вадим проснулся от утренней свежести. Потянувшись, он вылез из спального мешка и посмотрел на сына. Судя по форме мешка Сашка спал, свернувшись калачиком, только нос торчал. Вадим не стал будить мальчика, решив дать поспать ему подольше. Каратов разжёл костёр, набрал воды в походный котелок и подвесил его над костром. Пока вода закипала, Вадим осмотрелся: над озером стелился туман, ветра не было, сырость ощущалась в воздухе. Прислушавшись, он услышал первые аккорды только что проснувшихся птиц. Чирикание с каждой минутой нарастало, и грозило перейти в полноценный концерт. На востоке вдруг стало светлее. Вадим снял с костра котелок и разлил воду по кружкам, опустив в каждую по чайному пакету. Пока заваривался напиток, он решил накачать лодку. Вынув её из резинового мешка, Вадим приладил к лодке насос-лягушку, и стал интенсивно работать ногой. Остановившись на мгновение, он вернулся в палатку и потряс сына за плечо. Сашка открыл глаза, улыбнулся отцу, и так же, как Вадим несколько минут назад потянулся. Каратов удивился на сколько все его движения в точности повторил Сашка. Вот и говори потом, что наука о генетике пустой звук!

– Вставай, друг, тебя ждут великие дела!

Парень вылез из мешка и зевая направился к ближайшим кустам. Вернувшись, он взял из рук отца кружку с чаем и стал осторожно прихлёбывать горячий напиток. Вадим между тем успел соорудить по паре бутербродов с колбасой.

После завтрака они вытащили все снасти и стали готовить удочки к утренней рыбалке. Вадим закончил накачивать лодку, отец и сын дружно спустили её на воду, и сами забрались в неё.

– Хорошо, что у Финляндского вокзала мы встретили того мужика с опарышами и червями, иначе пришлось бы удить на хлеб, – сказал Вадим, закидывая удочку.

Сашка не ответил, возясь с леской. Они находились почти на середине озера, которое в диаметре было метров триста. Вадим закрепил одну удочку и стал готовить удилище с блесной.

К полудню они натаскали много краснопёрок, но щука пока не попадалась. Потом к краснопёркам прибавились плотвички и подлещики.

– Пора обедать, друг, – сказал Вадим, – сворачивай удочки.

Весь день они с увлечением таскали рыбу из озера, перерыв делали два раза по два часа, когда клёва совсем не было. Часов в девять вечера они закруглились.

– Вот это да, папа! – воскликнул Сашка, вытаскивая улов на берег. – Так много рыбы я ещё никогда в жизни не ловил!

Суббота ознаменовалась поимкой двух щук средних размеров. Вообще этот день запомнился отцу и сыну, как самый отличный в плане рыбацкой удачи. Если Вадим поймал двух щук, то Сашка умудрился вытащить трёх больших лещей. Вечером сидя у костра и готовя королевскую уху, Вадим сообщил сыну:

– Друг, я в понедельник отправлю телеграмму тёте Маше, чтобы она тебя встретила с поезда в среду. В понедельник ты должен сдать учебники, а во вторник неспеша соберёшься, чтобы вечером сесть на поезд.

– Здорово! – ответил Сашка.

Вадим каждое лето отправлял сына на каникулы в Латвию к родственникам по отцовской линии. Когда он сам был пацаном, родители точно так же отправляли его в небольшой, но уютный город Резекне, где жили братья и сёстры отца, правда, не родные на прямую, а двоюродные. Вадим с нетерпением каждый год ждал этого события, так как в Резекне у него были закадычные друзья, которыми он обзавёлся в первые же летние каникулы. У его родителей не болела голова, куда на лето отправить сына, теперь Вадим поступал точно так же, отправляя на все каникулы своего Сашку в Латвию. Родственники были рады принять ленинградцев, чему способствовала немалая сумма, уплаченная им за беспокойство. Но не надо думать, что дядьки и тётки были такими меркантильными – нет, они денег не просили, это была инициатива сначала родителей Вадима, а потом его самого. Просто в знак благодарности за хлопоты эти суммы давались добровольно без всяких предварительных договорённостей. Вадим не нарушал традицию, отправляя Сашку каждое лето в Латвию, где у сына давно наладились отношения с местными пацанами.

– Здорово, – повторил Сашка, – мы с Серёгой договорились в этом году построить голубятню, дядя Павел обещал нам помочь.

– Ну и славно! – воскликнул Вадим. – Послушай, Сашка, я в этом году, наверное, не смогу приехать к тебе на день рождения, ты уж извини, друг.

– Ладно, а почему не сможешь?

У сына день рождения приходился на самую середину лета – на тринадцатое июля. Вадим каждый раз выкраивал время, чтобы приехать и поздравить Сашку, но в этот раз у него были другие планы.

– Не знаю, как будет с работой. У нас там какие-то реформы грядут. В общем, держи, друг! – Вадим снял часы со своей руки и протянул их сыну. – Знаю, что заранее не поздравляют, но может так случиться, что действительно времени не будет.

Сашка осторожно взял хронометр и спросил:

– Папа, а тебе не жалко?

Вадим расхохотался:

– Да ты что, друг!? Кто ж жалеет, что делает подарки своему сыну? Да, часы хорошие, но мне не жалко, поверь мне, для тебя мне ничего не жалко!

– Спасибо! – Сашка обнял Вадима.

– Ну, ладно, что ты в самом деле? – Каратов отстранил сына, чтобы заглянуть ему в глаза. – Будет, будет, Сашка, – сказал он, видя, что глаза у сына «на мокром месте». Эти часы были давней мечтой Сашки.

Суббота завершилась грандиозной королевской ухой. Наевшиеся до отвала, они ещё долго сидели у костра, составляя планы на будущее.

В воскресенье Вадим решил уехать пораньше, не посвящая сына в свои планы, он сказал за завтраком:

– Саня, поедем часа в три, мне надо ещё дома кое-какие дела закончить перед работой.

Сын кивнул, соглашаясь – рыбалкой они насытились в полной мере. После завтрака отец с сыном решили побродить по лесу. Недалеко зайдя в бор, они ходили между деревьев инстинктивно ища грибы, но, конечно, в эту пору ничего не нашли. Надышавшись пьянящим возду-

хом соснового леса, они вернулись к лагерю. Настала очередь собирать богатый улов. Вадим вытащил садок из металлической сетки из воды, и бросил его на берег. Живая рыба забила хвостами, выворачиваясь и подпрыгивая на траве, но вскоре затихла. Сашка одел перчатки, нарвал крапивы, и завернул каждую рыбку в жгучие листья, не забыв добавить соли. Теперь добыча не испортится до самого дома, даже, если температура будет очень высокой! Вадим тем временем убрал палатку и затушил костёр, потом он выпустил воздух из лодки и стал собирать всё, что было раскидано вокруг. Сашка помог убрать котелки и оставшиеся продукты. Присев на берегу перед дорогой, отец с сыном наслаждались тишиной, которую всего через три часа сменит городской шум.

Вадим вскинул руку, посмотрел на своё пустое запястье и расхохотался:

– Всё, друг, теперь ты мне будешь говорить, сколько сейчас времени!

Сашка важно посмотрел на часы и сказал:

– Без четверти два!

Обратная дорога показалась им короче, как это всегда бывает. Через три часа светло-бежевые «Жигули» въехали в город. Вадим специально поехал по Московскому проспекту до улицы Фрунзе, где на углу находился цветочный магазин фирмы «Лето». Покосившись на сына, Вадим вылез из машины и направился в магазин. Вернувшись с букетом алых роз, он небрежно сказал:

– Надо подарить тут кое-кому, Сашка.

– Кому? – спросил сын.

У Вадима был заранее приготовленный ответ:

– Очень хорошему человеку, тому, кто учит нас быть образованней, кто хочет сделать из нас порядочных людей.

– Кто же это такой?

– Думай, Сашка! А впрочем, можешь не напрягаться, сейчас для тебя это не так важно.

Поехали!

В квартире стояла духота – Вадим забыл открыть форточки. Быстро распахнув окна, Каратов впустил воздух в их обитель.

– Друг, давай сейчас быстро выгрузимся, а то потом будет лень, – сказал отец, снимая с плеча мешок с палаткой.

Сашка кивнул. Они за десять минут втащили наверх все вещи, загрузили улов в холодильник, после чего Вадим наказал сыну переодеться и ждать, пока он вылезет из ванны, чтобы потом самому залезть в неё. Каратов посмотрел на большие часы, висящие в его комнате: было уже около шести. Вадим набрал воды в ванну, после чего с наслаждением окунулся в чистую тёплую воду. Понежившись полчаса, он включил душ и тщательно вымылся. Вернувшись в кухню, он увидел, как Сашка возится со щукой.

– Сын, я через час уйду, ты уж сам здесь похозяйничай, ладно?

– Да понял я, не даром ты цветы купил!

– Ну, раз понял, то и занимайся делом.

Каратов ушёл в свою комнату, выбирать костюм. Выбора-то особого не было, их – этих костюмов – у него было всего два: один он носил на работу, другой – был предназначен для всяких торжеств. Решив, что первое свидание с любимой девушкой заслуживает праздничного костюма, Вадим облачился именно в него. Осмотрев себя в зеркале, он пришёл к выводу, что это чисто выбритое счастливое лицо принадлежит молодому шалопаю, который наивно думает, что схватил бога за бороду. Усмехнувшись самому себе, Вадим обрызгал себя дезодорантом с терпким «мужским» запахом, потянул рукава белой рубашки, чтобы видны были красивые запонки, и удовлетворённый своим видом, отошёл от зеркала. Подняв левую руку, он хотел посмотреть на часы, но вовремя вспомнил, что их у него уже нет. Тогда Вадим бросил взгляд на стенные часы и убедился, что до встречи с Вероникой осталось ещё сорок минут. Дорога

до школы занимала не больше пяти, поэтому Каратов решил позвонить своему другу. Сев в своё любимое кресло, он набрал номер Олега. После шести гудков трубку на том конце сняли и раздался полупьяный голос друга:

– Да, я слушаю, чёрт вас возьми!

– Привет, Олег, я привёз тебе щуку, – Вадим улыбнулся, представив удивлённое лицо Чулкова.

– А-а-а! Это звонит тот тип, который решил съездить на рыбалку без своего лучшего друга!? – заорал Олег в трубку.

– И который в компенсацию привёз ему здоровенную особь речного хищника, – в тон ему ответил Вадим.

– Это как-то примиряет друга с почти потерей веры в верность друзей, – Олег невнятной тавтологией решил озвучить своё настроение. – Когда я могу забрать, причитающуюся мне добычу?

– Наверное, завтра, Олег. Сейчас я иду на встречу.

– Конечно, у тебя опять какой-то хам на первом месте, – ухмыльнулся Олег в трубку.

– Ты не прав, Олег, но я не буду сейчас возбуждать против тебя уголовное дело! – ответил Каратов, тоже ухмыляясь.

Чулков вдруг бросил кривляться и почти трезвым голосом спросил:

– Удачно, значит, съездили?

– Очень! Предлагаю в ближайшее время выбраться туда же.

– Принято.

– Как там поживают девушки из гостиничного ансамбля? – задал вопрос Вадим.

– А, чёрт с ними! Они, Вадя, какие-то ненасытные, еле отвязался.

– Ты что, был один с ними? – удивлённо поинтересовался Каратов.

– Ну, не то, чтобы один... потом к нам присоединился мой школьный товарищ, некто Коля Мельников, но это уже не имело значения.

– Ладно, Олег, мне надо двигать, завтра встретимся на работе, пока. – Вадим повесил трубку.

Бросив взгляд на часы, он с досадой констатировал, что прошло всего десять минут. Решив всё же выйти пораньше, Вадим, заглянув предварительно на кухню к Сашке, и убедившись, что тот уже жарит рыбину на сковородке, сказал ему, что уходит. Сашка кивнул головой, не прекращая своего занятия.

Вадим схватил букет и вышел из квартиры. Как назло, ему на лестнице встретилась Настя Голубева.

– На свидание собрался, Вадим? – задала она риторический вопрос.

– Да, – коротко ответил он, не вдаваясь в объяснения.

– Красивые цветы, – сказала Настя и демонстративно вздохнула.

Каратов ничего не ответил, а только быстрее стал перебирать ногами. Настя временами становилась невыносимой в своём стремлении завлечь Вадима в свои сети.

Выйдя из парадной, он рысью, чтобы подальше уйти от Голубевой, направился в сторону арки. Оказавшись на улице Фрунзе, Вадим вздохнул свободно, и уже не спеша повернул в сторону школы. Дойдя до неё, он остановился. Присесть здесь на что-то не было никакой возможности – вокруг не наблюдалось ни одной скамейки. Оставалось только сесть на крыльцо, но это показалось Вадиму до смешного глупым. Повертев головой, и досадуя на себя за непредусмотрительность, Каратов решил дождаться Вероники на противоположной стороне, возле кустов с неизвестным ему названием. Редкие прохожие иногда проносились мимо – в вечерний час в воскресенье люди старались быть дома, смотря телевизор. Молодёжь же здесь появлялась не часто, предпочитая более весёлый Московский проспект, где располагались различные увеселительные заведения.

Потоптавшись минут двадцать, Вадим решил у первого же прохожего спросить время. Это удалось только через минут десять. Пожилая дама в застиранной кофте кирпичного цвета, нервно ответила на вопрос молодого мужчины:

– Десять минут девятого.

Вадим поблагодарил и стал вертеть головой во все стороны. Но Вероники нигде не было. Он проторчал возле кустов ещё почти час, и когда спросил время у пожилого мужчины, который выгуливал своего пса перед сном, оказалось, что время перевалило за девять. Каратов понял, что больше ждать не имеет смысла. Оглядев для очистки совести всё вокруг, он пошёл в сторону своего дома. Сначала Вадим сильно разочаровался, ругая себя за ожидание идиота, потом он стал искать оправдания для Вероники. Ведь могла она, в конце концов заболеть, или с кем-то из домашних стало плохо? Да, мало ли что могло случиться!! Успокаивая себя подобными мыслями, Вадим не заметил, как очутился возле своей парадной.

– Что, не явилась твоя дама? – раздался голос со скамейки.

Каратов резко обернулся и увидел Настю Голубеву. Та сидела на краю скамейки с поджатыми под себя ногами и с прямой спиной. Вадим раздражённо подумал, что уж эта девица точно явится к любому мужику по первому зову. Подавив в себе раздражение, Каратов подошёл к молодой женщине и протянул ей букет:

– Возьми, Настя, ты его заслужила.

Поколебавшись секунду, Голубева взяла цветы со словами:

– А ведь и правда – я их заслуживаю больше, чем кто-либо.

– Я о том же, – ответил Вадим и быстро скрылся в подъезде.

Дома его встретила оглушительная музыка, которая неслась из магнитофона. Сашка включил рок на полную мощность и наслаждался англоязычными представителями этого направления музыкальной культуры. Вадим закрыл дверь в комнату сына, и уединился в своей. Раздевшись, он сел в любимое кресло и подумал, что Олег не так уж и неправ, предаваясь время от времени своему пороку – Вадиму вдруг захотелось выпить. Посидев в темноте с полчаса, и навывдумывая себе всяких гадостей про себя и про Веронику, Каратов успокоился. В конце концов, ничего такого страшного не произошло. Ну, подумаешь: девушка не пришла на свидание!? Да у него за свою жизнь таких случаев было..., а действительно, сколько раз такое происходило? Вадим попытался вспомнить такие случаи, и ему удалось вспомнить только один, когда девица не пришла, объяснив потом свою неявку причиной более, чем достойной – она выходила замуж. Больше случаев он не вспомнил.

Включив телевизор, Вадим уставился на экран невидящим взором. Потом постарался сосредоточиться. Передавали сеанс внушения Алана Чумака. Каратов с раздражением переключил программу. По другому каналу нёс свой бред доктор Кашпировский. Выключив телевизор, Вадим подумал, что пока в стране есть люди, которые верят в эту чушь, такие шарлатаны вроде Чумака и иже с ним, всегда будут с куском хлеба, да ещё хлеб тот будет с добрым куском масла.

Вадим перебрался на тахту и не заметил, как заснул. Проспал он до самого утра, правда, сон его был очень беспокойным.

3.

Утром Вадим проснулся часов в шесть. С удивлением посмотрев на часы, он вспомнил, что завалился спать, не поставив будильника. До выезда на работу оставалось ещё много времени, и он решил сделать ревизию вчерашнему улову. На кухне осталась на плите сковородка с жареной шукой – Сашка, вероятно, забыл убрать её перед сном в холодильник. Вадим хотел сделать это сам, но передумал, потом оглядел развешанных у окна подлещиков и плотвичек. Сын потрудился на славу, теперь оставалось только засолить крупную рыбу, но это делал он

только сам. У Вадима был свой способ засолки, этому его научил отец, и теперь он никому не доверял этот процесс. Часть рыбы они вчера засунули в морозилку, но другая часть ждала своего часа на нижней полке холодильника. Каратов достал рыбу, приготовил соль, сахарный песок и пучок укропа. Смешав все ингредиенты в только ему известной пропорции, он натёр этой смесью бока и спинки рыб, предварительно выпотрошив внутренности. Завернув рыбины в специальную холстину, пропитанную этим составом, Вадим убрал рыбины обратно в холодильник. Теперь, спустя три дня, можно будет полакомиться свежей засоленной рыбой. Приняв душ, Вадим побрился, потом сел доедать жареную щуку. Оставив один кусок Сашке, он убрал сковородку в холодильник. Каратов всё дела проделал механически, думая о Веронике. Теперь, когда девушка не пришла на свидание, вставала проблема, как её встретить. Ведь учебный год закончился, учителя могут в школу не являться, хотя они не ученики, и Вадим догадывался, что педагоги должны приходить в школу, доделывая всякие дела перед большим отпуском, но застать их было проблемой. Дело усугублялось тем, что сам Вадим должен находиться на работе! Как в таком случае он встретиться с девушкой?! Оставался только один путь – каким-то образом разузнать адрес Вероники, и заявиться к ней домой. Потом Вадим вспомнил, что в их доме живёт один старый учитель, преподававший когда-то в их школе. Каратов попытался вспомнить его имя, но вспомнил только отчество – Иванович. Если попробовать через него, подумалось Вадиму. Сам он никак не мог попасть в школу в урочный час: утром рано уходил, когда в школе ещё никого не было, вечером смена заканчивалась поздно, когда в школе уже никого не было. Можно было ещё посоветоваться с Сашкой – пацаны всё знают, но он не хотел втягивать сына в свои любовные дела. Если бы не конец года, то можно было дождаться субботы и узнать адрес в учительской, но занятия уже закончились, и в этот день вряд ли кто-то придёт на работу.

Мысль, что он не увидит Веронику целых три месяца чуть не свела Вадима с ума. Он даже подумал прогулять работу, но потом решил не делать себе ещё одну проблему. Потом возникла мысль позвонить Гамлету и отпроситься, но обычно такие дела делаются заранее, и шеф его не поймёт. Оставалась надежда только на старого учителя. Взбодрившись этой мыслью, Вадим стал собираться на работу.

Ехать до завода, расположенного на Васильевском острове, на машине выходило минут двадцать. Вадим вдруг вспомнил, что вчера не заправился, теперь надо время для заезда на АЗС. Выведя машину со двора, он направил её в сторону проспекта Гагарина, где на углу с Благодатной улицей находилась заправка.

На семнадцатую линию, где располагался завод, Каратов приехал за десять минут до начала смены. Припарковавшись под кроной липы, Вадим вылез из машины и сразу столкнулся с Бердниковым. Вадим не любил этого скользкого типа, как не любили его многие в их коллективе. Вениамина Бердникова отличала вечно недовольная физиономия с пухлыми и постоянно мокрыми губами. Было такое ощущение, что Веня брызжет слюной от конфеты, которая не тает и постоянно находится у него за щекой.

– Здорово, Вадя, никак на работу соизволил приехать? – Вениамин смотрел на Вадима с плохо скрываемым подозрением. – Говорят, ты давно закончил там, в Северодвинске, а два три дня отдыхал?

– Тебе, Веня, вечно что-то кажется. Иди вперёд и не мешай.

Бердников хмыкнул и пошёл дальше к проходной завода. Пройдя вертушку, Каратов замедлил ход, заметив Олега. Друг, пытаясь от усердия, протискивался между двух мужиков, застрявших на проходной с каким-то вопросом. Наконец, тучная фигура Олега пробралась через вертушку и оказалась близко от Вадима. Они обменялись крепким рукопожатием, после чего поднялись на второй этаж, и пошли лабиринтами коридоров к своему отделу.

Когда прозвучал сигнал точного времени, возвестивший начало нового трудового дня и новой трудовой недели, все сотрудники отдела уже были на своих местах. Каждый знал, чем

ему заниматься, поэтому утром никаких особых летучек не было. Рабочие столы друзей стояли рядом, отчего их общению ничего не мешало. Олег сразу, как только они уселись, стал рассказывать о бурно проведённых выходных в обществе раскованных девиц. Вадим рассеянно слушал друга, уткнувшись взглядом в осциллограф, на экране которого завораживающе мерцали импульсы. Эти мелькания были какими-то гипнотизирующими, и частенько, особенно сразу после обеда, многие сотрудники засыпали под их немой аккомпанемент.

Каратов, которому ещё предстояло идти на ковёр к шефу, думал не о работе, и не о девицах Олега, – все его мысли были заняты Вероникой. Чулков вдруг замолк, сообразив, что Вадим его не слушает.

– Эй, Вадя, ты о чём сейчас думаешь? С Сашкой нормально съездили?

Вадим очнулся и непонимающе посмотрел на друга.

– Олег, со мной кое-какая штука случилась, – он замолк, потом огляделся и тихо продолжил: – Понимаешь, Олежек, я, кажется, влип по уши!

– Да что такое произошло?! – Чулков тревожно посмотрел на Каратова.

– Не знаю, может это наваждение, но я влюбился, Олег, – тихо ответил Вадим.

Чулков внимательно изучил лицо друга, помолчал и сказал:

– Я тебя понимаю, Вадим, тебе некомфортно сейчас, тебе кажется, что ты предаёшь Наташу, но это не так. Окунайся с головой в это чувство! Ты в конце концов живой человек, время прошло достаточно после ухода Наташки, поэтому не терзай себя и лети на встречу своей любви!

– Уже, – так же тихо сказал Вадим.

– Что «уже»? – не понял Олег.

– Я так окунулся, что обратной дороги нет, да я и не хочу идти обратно, Олег!

– Ну и прекрасно! Кто она, эта счастливица?

– Сашкин классный руководитель, она у них ведёт английский.

– Это когда же ты успел, ведь приехал совсем недавно?

– Перед самым отъездом на рыбалку Сашка сказал мне, что меня вызывают в школу: Сашка дал одному идиоту в ухо. Я пришёл и увидел её!

– Так бывает, – со знанием дела ответил авторитетно Олег.

– Ты не понимаешь, Олег! Это не какая-то интрижка на несколько дней – это навсегда.

– Всё я понял, Вадя! Если бы ты сейчас посмотрел на себя! Тут и слепой увидит, что ты не интрижку имеешь ввиду. Ладно, рассказывай дальше.

– Да что там рассказывать!? Она, скорее всего обиделась! Я назначил ей свидание, а она не пришла.

– Ну, это ещё не трагедия, Вадя. А почему ты думаешь, что она обиделась? Ты её ненароком чем-то обидел?

– Я так думаю, что ей стыдно.

– Расскажи толком, что произошло? – Олег хотел помочь другу.

– Ну, ... у нас был контакт, и я думаю, что она постеснялась после этого...

– Подожди, ты что уже с ней...?

– Да, Олег, прямо там в классе.

Чулков был ошеломлён. Такого он не ожидал!

– Может это у тебя фантазии разыгрались, Вадя?

– Нет, это действительно произошло, Олег.

Друг откинулся на спинку стула, постучал пальцами по столу, и сказал:

– Раз это и правда произошло, то я тебя поздравляю! Я не буду говорить пошлости, но, если ты полюбил ТАКУЮ учительницу, то...

– Не говори ничего, Олег, я сам понимаю, что это звучит как-то дико... понимаешь, я видел её глаза, это была не похоть, а чувства, Олег!

Чулков поднял руки в знак согласия.

– Хорошо, хорошо, и что ты сейчас предпримешь?

– Школа закрывается на лето, там сейчас почти никого нет, вернее как раз сегодня, или в крайнем случае завтра она совсем закроется на летние каникулы, и я её не увижу до осени, – Вадим грустно посмотрел на друга.

– Узнать адрес не такая уж проблема, Вадя.

– Как?

– Фамилию знаешь?

– Нет... нужно спросить у Сашки, может, он знает? – осенило Вадима.

– Ну, вот, а потом через адресное бюро! Не отчаивайся, Вадя, всё будет хорошо! – Олег хлопнул друга по плечу.

В это время раздался голос начальника отдела:

– Товарищи, сегодня в три часа у нас собрание, прошу не опаздывать.

Когда шеф вышел, Слава Савельев, ведущий инженер отдела, громко сказал:

– Ребята, кому интересно, что случится с нашим заводом, прошу в три часа в лабораторию.

Лаборатория отдела располагалась в цокольном этаже. Там стояли камеры температур, вибростенды и другие агрегаты, способствующие проверке приборов на внештатные ситуации. В этом помещении часто проводились всякие мероприятия общественного характера – кубатура позволяла.

– Похоже, наш завод накрывается медным тазом, – прокомментировал Аркадий Алексеев.

– Аркаша беспокоится, что его оставят без привычных поллитровок, – тихо сказал Бердников.

– Ты бы помолчал, товарищ, – Олег зло посмотрел на толстые губы Вени, – Аркаша как раз без работы не останется с такими золотыми руками, а вот ты, бездарь, легко вылетишь при первом же сокращении штатов.

– Ну-ну, защищай своего собутыльника, – огрызнулся Бердников.

– Чёрт с ним, Олег, не обращай внимания, – сказал Вадим.

Работа в этот день не клеилась ни у кого. Все были возбуждены слухами о каких-то переменах, но толком никто ничего не знал, поэтому собрания ждали с настороженностью. Вадим сходил до обеда к Гамлету в кабинет и разрешил все вопросы по своей командировке. Шеф, провожая Каратова до дверей, сказал:

– Хорошо съездил, молодец! Но боюсь, Вадим, что эта командировка у тебя последняя.

– Борис Михайлович, вы допускаете, что...

Гамлет не дал договорить: – Допускаю, Вадим, допускаю, скажу всё на собрании. Иди.

После обеда в курилке разгорелся спор. Кто-то утверждал, что такую махину, как объединение «Сфера» вряд ли коснутся преобразования, ухудшающие положение, другие махали в отчаянии рукой: всё – хана отрасли, если уже негативные явления перестройки коснулись оборонной промышленности. Кое-что прояснилось на собрании, на которое пришли все без исключения, тем более оно проводилось в рабочее время.

– Товарищи, – начал свою речь Гамлет, – всем понятно, что перестройка нас тоже коснётся. Некоторые моменты заводу надо выправлять – это было ясно даже без всякой перестройки! А теперь и подавно за нас взялись. Работа предстоит большая, надо учитывать веяние времени – обратить внимание на так называемую конверсию, чёрт бы её побрал, – последние слова Борис Михайлович сказал очень тихо, но их почти все услышали.

– Давайте пока не впадать в панику – это всего лишь намерения, но нам надо реагировать вовремя, потому что мы передовое производство ВПК, – продолжал Гамлет. – Кастрюли мы, конечно, не будем делать, но кое-какую гражданскую продукцию нам придётся освоить.

Напрямую это нас может и не коснётся, но всё же надо быть готовым ко всему. Вот с финансированием становится всё хуже и хуже...

– Борис Михайлович, моя сестра уже получает зарплату продукцией, которую выпускает её фабрика. Нам будут, вместо зарплаты, выдавать секретные блоки наших самолётов? – спросила Алла Борисовна, старший инженер лаборатории.

– Во, у меня и шпион есть знакомый, – подал реплику Аркадий Алексеев.

– Тихо, товарищи! Никто ничего не будет делать в этом роде! Да, некоторые предприятия снимают с постоянного финансирования, им, видите ли, рынок самим надо осваивать, но мы же другое дело! Мы же оборонка! Правда, нас уже предупредили, что финансирование урежут – денег банально не хватает, но будем надеяться, что это временные трудности, товарищи. ... – шеф сделал паузу, потом сказал:

– Я здесь недавно разговаривал с одним компетентным человеком, так вот он заявил, что американцы предлагают за свёртывание некоторых программ оборонки, огромные деньги. И, самое главное, есть много горячих голов в правительстве, которые готовы на это подписаться!

– Сволочи! – воскликнул Аркадий. – Разоружаем страну собственными руками!

В лаборатории поднялся шум.

– Тихо, тихо, товарищи! Ещё никто ничего не сделал! – Гамлет пытался успокоить разбушевавшихся инженеров. – Тихо! Нам сейчас надо подумать о своих делах. Вот, генеральный сказал сегодня утром, что придётся сокращать штат, мол сотрудников слишком много на отдельных участках производства. Я, понятное дело, промолчал про свой отдел, но допускаю, что они, – шеф ткнул пальцем в потолок, – не успокоятся. Поэтому говорю вам откровенно сейчас: если у кого есть возможность применить свои таланты в других сферах деятельности, то надо это делать. Конечно, лучшие наши люди всегда будут востребованы здесь на заводе, но, если смотреть в перспективу...

– Ясно, – воскликнул снова Аркадий, – надо идти учиться на бухгалтера.

– Вас, Аркадий Львович, это касается в меньшей степени. Вы у нас золотой кадр, – откликнулся на реплику Алексеева шеф.

Алексеев встал и картинно раскланялся.

Собрание продолжалось ещё час. Решали мелкие вопросы текущих дел, но все были встревожены не на шутку речью Гамлета. Выходя с завода, Олег сказал Вадиму:

– Старик, нас может тоже коснуться, но я оптимист и до последнего буду держаться за завод – всё же какая-то стабильность.

– Хм, я, конечно, не пропаду – машины ломались и будут ломаться, но всё-таки будет жалко расставаться с заводом, если дело зайдёт далеко, – ответил Каратов.

Они сели в машину Вадима, и последний направил её в сторону Наличной улицы – там жил Олег. Это было совсем не по дороге Вадиму, но он всегда подвозил Чулкова, считая эту маленькую услугу дружеским жестом. Олег поначалу возражал, но потом привык, и теперь молча принимал жест доброй воли, как будто, так и полагается. Затормозив у дома друга, Вадим сказал:

– Мне, главное, Сашку прокормить, а там посмотрим.

– Верно, тебе надо сына кормить, а этих фантазёров сверху надо посылать подальше! Спасибо, Вадя, что довёз моё брненное тело. Звони, если что.

Чулков вылез из машины и направился к своей парадной. Вадим посмотрел ему в след и вздохнул. Олег в данный момент жил с престарелой матерью, которая от старости уже мало что соображала. Это отравляло жизнь Олегу, он видел каждый день, как его любимая мама превращается в маленького ребёнка, но сделать ничего не мог. Болезнь прогрессировала, не оставляя Марии Антоновне никаких шансов. Каратов ещё раз вздохнул, и развернув машину, направился в сторону Московского района.

Пока Вадим ехал, ему в голову лезли всякие мысли. Сначала он думал о работе. Она его полностью устраивала, коллектив относился к нему с уважением, все сослуживцы были приятны ему в общении, кроме, конечно, этого придурка Бердникова. Но, как известно, в семье не без уроды. То, что озвучил сегодня Гамлет, было в газетах, о конверсии говорили с экрана телевизора, но Вадиму всё время казалось, что их не тронут. Теперь он сомневался, хотя в глубине души не допускал мысли, что руководство страны допустит крах ВПК. Когда машина проехала на левый берег Невы, мысли перескочили на Сашку. Сына на этой неделе надо отправлять в Латвию, для этого нужно было отправить деньги – рублей сто-сто пятьдесят, что он и сделал ещё до командировки. У Каратова были сбережения, но он откладывал деньги на отпуск, который хотел провести в сентябре в Сочи. Будут, конечно, отпускные, но Вадим редко укладывался в эту сумму, гуляя от всей души. Теперь, в свете последних событий, отпуск завис в плане финансов. Вадим отбросил эти меркантильные мысли, и сосредоточился на думах о Веронике. Сейчас он приедет, узнает адрес у Сашки, или сын подскажет в каком хоть доме живёт его классный руководитель, и тогда Вадим придёт к любимой домой.

С этими приятными и одновременно тревожными мыслями Каратов подъехал к своему дому. Ещё издали он увидел Сашку, гонящего мяч с каким-то парнем. Вадим подогнал машину к футболистам, и высунулся из окна.

– Эй, вы ещё не устали гонять мяч вдвоём? Где остальные ребята?

– Все уже разъехались, – ответил Сашка, пиная мяч в сторону партнёра.

– Сашка, иди сюда, – позвал Вадим.

Сын вразвалочку, как это делают пацаны, демонстрируя всем свою независимость от родителей, подошёл к машине.

– Саня, подскажи адрес Вероники Николаевны, – попросил отец.

– Я не знаю, а зачем тебе?

Вадим отвёл глаза и глухо произнёс:

– Забыл спросить про учебники на следующий год, ведь у вас прибавятся, наверное, новые предметы.

– Папа, я всё тебе расскажу, тебе незачем идти к Верке.

– Я же тебя просил не называть учительницу «Веркой»! – вспыхнул Каратов.

– Ладно, я забыл просто, – ответил Сашка, оглядываясь на своего партнёра, который нетерпеливо чеканил мяч одной ногой.

– Помни, что я тебе говорю, друг!

Вадим кивнул головой и отъехал к своему подъезду. Задача усложнялась. Вдруг Вадим встрепенулся. Это Сашка закончил посещать школу в этом учебном году, а старшеклассники! Ведь они не младшие классы, они должны учиться дольше! Чтобы проверить свои надежды, Вадим развернул машину и поехал обратно к детской площадке, которую юные футболисты приспособили под игровое поле, пользуясь отсутствием малышни в это время.

– Сашка, скажи, старшеклассники ведь ещё учатся? – спросил с надеждой Вадим.

– Не-а, они тоже уже закончили, ведь сегодня уже двадцать девятое мая. Ходят ещё несколько человек пересдавать какие-то предметы, но остальные уже на каникулах.

– Ладно, иди играй.

Вадим снова отогнал машину к подъезду. Посидев в автомобиле, он достал резиновое кольцо и стал машинально разминать кисть правой руки. Вдруг он увидел аккуратно одетую старушку. Это была жена старого учителя, живущего в их доме. Вадим поколебался – как-то неудобно идти к незнакомым людям с какой-то странной просьбой. Пока он сомневался, старушка скрылась в парадной. Вадим ещё немного посидел, обдумывая ситуацию, потом плюнул на приличия. Заперев машину, он направился к противоположному концу дома, к парадной, в которой скрылась аккуратно старушка. Дверь квартиры он зрительно помнил ещё с тех времён, когда, будучи пионером, ходил по квартирам собирать макулатуру. Поднявшись на тре-

тый этаж, Вадим решительно позвонил в обитую дерматином дверь. Через минуту послышался звук открываемого замка.

– Здравствуйте, Константина Ивановича можно увидеть?

– Здравствуйте, молодой человек, вам нужен Константин Иванович?

– Да.

– Подождите секунду, я узнаю.

Аккуратно одетая старушка скрылась в комнате. Через минуту она вышла и направилась в глубь квартиры, за ней показалась копна седых волос, принадлежащая старому учителю. Константин Иванович был худой и длинный, отчего его большая голова казалась какой-то чужой на такой тонкой шее. Старый преподаватель подошёл к Вадиму и спросил:

– Чем я могу вам помочь, молодой человек?

– Добрый вечер, Константин Иванович, мне неловко, но мне нужна одна информация, и вы мне можете её предоставить.

– Слушаю. Постойте, вы Вадим?

– Да, – удивлённо сказал Каратов.

– Ну, как же помню вас и вашего сына! Ведь это вы чинили баскетбольное кольцо на школьном стадионе! – воскликнул Константин Иванович. – Я ещё помогал вам его повесить прямо-перпендикулярно земле.

– Точно, был у меня такой факт в биографии. Вы мне с земли подсказывали, а я сидел наверху! – вспомнил Вадим.

– Так что вам угодно, Вадим?

– Понимаете, мне... мне надо связаться срочно с классным руководителем моего Сашки, с Вероникой Николаевной. Школа уже закрылась на каникулы, а я забыл записать, какие книги нужно прочитать сыну за лето. Мне бы адрес учительницы узнать, тогда я бы сам с ней, то есть к ней... – Вадим замолчал, понимая какую-то чушь он несёт. Эту информацию можно узнать у любого шестиклассника.

Константин Иванович снял очки, сползшие на самый кончик носа, и внимательно посмотрел на Вадима. Его живые карие глаза впились в лицо Каратова.

– Вы меня разочаровали, Вадим.

Каратов смутился, он не знал уже куда деваться от внимательных глаз старого учителя. А Константин Иванович вдруг улыбнулся и сказал:

– Да, вы меня разочаровали своей неуклюжей неправдой, но я вас понимаю, молодой человек. Я понимаю ваш интерес к этой молодой и красивой даме. Я её не раз видел, выходящей из дверей школы. Она, кажется, преподаёт иностранный язык?

– Да, английский.

– Так-так, – старик сложил дужки очков. – Вы, Вадим, подождите немного, я сейчас вернусь.

Константин Иванович исчез в комнате. Вадим слышал, как он набирает чей-то номер на телефоне. Каратов не стал подслушивать, он открыл входную дверь и вышел на лестничную площадку. Через минут пять старик вернулся, держа в руке клочок чего-то серого.

– Держите, Вадим, – учитель протянул ему небольшой сложенный вдвое кусок картона. – Я бы никогда не дал вам адреса учителя, если не тот случай с баскетбольным кольцом. Плохой человек такими вещами не занимается, плохой человек не будет вешать баскетбольное кольцо для школьников – пояснил он, видя непонимание на лице Вадима. – Я видел вашего сына, видел, как вы к нему относитесь, поэтому желаю удачи.

Дверь закрылась. Когда Вадим спустился на один лестничный марш, дверь квартиры учителя снова открылась, и в образовавшуюся щель просунулась седая грива.

– Если будут спрашивать, где вы узнали адрес, прошу не выдавать! – и карий хитрый глаз заговорщицки мигнул. Дверь снова захлопнулась.

Ещё лет десять назад Константин Иванович Шубин вёл в школе физику, будучи уже давно на пенсии. Он и двадцать пять лет назад так же преподавал этот предмет, когда Вадим был школьником. Так случилось, что они редко пересекались, даже живя в одном доме, но этот факт ничего не значил, ибо дом был большим – квартир на триста, поэтому ничего удивительного в этом не было.

Выйдя на улицу, Каратов нетерпеливо раскрыл картонку. Дом, в котором жила учительница находился совсем близко – на углу Авиационной улицы и проспекта Гагарина. Вадим посмотрел на часы, которые висели на фасаде соседнего дома: они показывали почти семь часов. Решив не откладывать дело в долгий ящик, Каратов прыгнул в машину, направив её в сторону Московского проспекта. Доехав до цветочного магазина, он удостоверился, что опоздал совсем немного, но всё же опоздал – магазин был уже закрыт. Чертыхнувшись, Вадим развернулся и помчался обратно к своему дому. Не доехав до него один квартал, Каратов свернул во дворы. Район, в котором он жил имел одно большое преимущество: его проходные дворы позволяли проехать его, не выезжая на городские магистрали. Покрутившись по дворам, Вадим остановил машину возле двадцать восьмого дома по улице Гастелло. Там, сразу за домом, стояла беседка, а около неё росли большущие кусты сирени, они-то и привлекли его внимание. Каратов вылез из машины и крадучись стал приближаться к цели. Вадим поймал себя на мысли, что его поведение со стороны кажется смешным и одновременно трагическим – найти цветы в будний день в такое время при всеобщем дефиците, оказалось проблемой, да ещё какой! Приходилось – вот, как сейчас – идти на нарушение правопорядка. Штрафа он, конечно, не боялся, но всё же было неприятно чувствовать себя маленьким преступником.

Воровато оглядевшись, Каратов сорвал несколько веток душистой сирени. Спрятав добычу под пиджак, Вадим вернулся к машине. Закурив, он стал размышлять: вернуться ли домой и принять душ, или поехать сразу к Веронике. Победила чистоплотность. Дома, приведя себя в порядок, Вадим придиричиво оглядел себя в зеркале. Оставшись довольным своим внешним видом, он вышел из квартиры. Теперь, когда до встречи с любимой оставались считанные минуты, Каратов занервничал. Как отнесётся сейчас Вероника к его визиту?! С такими тревожными мыслями он подрулил к дому на углу.

Трамвай с грохотом вывернул на Авиационную, распугав мирно пасущихся голубей возле стрелок. Вадим инстинктивно обернулся, и ему показалось, что в вагоне он увидел девушку в очках, похожую Веронику. Тряхнув головой, он сбросил наваждение. Войдя во двор и отыскав нужную парадную, Каратов поднялся на третий этаж и остановился перед квартирой с цифрой семь на двери. Он задержал руку возле звонка, делая паузу, чтобы восстановить дыхание. Сердце от волнения стучало так, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди. Постояв минуты две, Вадим нажал на кнопку. Внутри квартиры прозвучала трель, хорошо слышимая через дверь. Каратов был готов, но дверь всё же открылась для него довольно неожиданно. Перед ним стоял среднего роста мужик в пижамных полосатых брюках на подтяжках. На вид этому лысеющему субъекту было лет пятьдесят с хвостиком, живот, кстати, не выпирал, как у других в этом возрасте – видимо, мужчина дружил со спортом, или у него была такая врождённая конституция. Серые глаза обитателя квартиры спокойно смотрели на гостя. Вадим был готов к тому, что дверь может открыть кто-то из домашних Вероники, поэтому не растерялся и попросил:

– — Добрый вечер, Веронику позовите, пожалуйста.

– Добрый. Вероники нет дома, – ответил нейтральным тоном мужчина.

– Вы не могли бы подсказать, когда я смогу её увидеть? – вежливо спросил Каратов.

– Не знаю. Сегодня, я думаю, вряд ли.

– Но мне её необходимо увидеть, как можно скорее! – стал настаивать Вадим.

Мужчина оглядел Каратова с ног до головы, заметил букет сирени, тщетно скрываемый Вадимом за правой ногой, и догадливо спросил:

– Вы договаривались, а она не пришла?

– Да, – коротко ответил Каратов, не вдаваясь в подробности.

– Сочувствую, молодой человек... Если уж вам так срочно нужно увидеть мою дочь, то советую явиться завтра часов в одиннадцать утра, позднее, на сколько я подозреваю, она будет занята.

– Но я работаю, и не смогу в это время, – отчаянно ответил Вадим.

– Я вам посоветовал, а там уж сами, как знаете... – отец Вероники попытался закрыть дверь.

Каратов успел только сказать «спасибо», как дверь захлопнулась перед его носом.

Медленно спустившись по лестнице, Вадим так же медленно добрёл до машины. Какая-то пустота охватила его сознание, мысли куда-то спрятались, давая мозгу временную передышку. «Дождусь, чего бы мне этого не стоило», – эта вспышка прорвалась сквозь пустоту мысленного вакуума. Каратов, придя к этому решению, успокоился. Кинув на соседнее сиденье букет, он завёл машину и загнал её во двор, поближе к парадной Вероники.

4.

На часах было уже двадцать три сорок, когда Вероника появилась во дворе под руку с высоким молодым человеком. Вадим, изрядно проголодавшийся, во все глаза смотрел на соперника, который непринуждённо смеялся, шёл рядом с его любимой девушкой. На вид парню было лет двадцать восемь-тридцать, он снисходительно – так показалось Вадиму – слушал, что ему говорит Вероника, при этом непринуждённо жуя булочку. Наглец даже отвернулся на время, провожая взглядом встречную молодую женщину! Соперник Вадима явно был в фаворе, иначе как объяснить, что девушка так снисходительно относится к выходкам долговязого парня! Жар негодования и презрения к сопернику охватил Каратова. Вадим выскочил из машины, забыв про сирень и благие намерения. Он остановился недалеко от парадной, широко расставив ноги, и приготовившись к драке. Парочка увидела Вадима с последний момент. Вероника подняла глаза на Каратова и остановилась, дёрнув при этом произвольно своего ухажёра. Вадим ядовито, как ему казалось, сказал:

– Я ждал тебя, Вероника, в воскресенье у школы, как мы договаривались, но ты, как я вижу, предпочитаешь более юных поклонников!

Парень изумлённо уставился на Каратова, не пытаясь даже что-то возразить. Вдруг он сложился пополам и расхохотался. Вероника тоже улыбнулась кончиками губ, потом открыто посмотрела на Вадима:

– Вадим... Петрович, – она сделала паузу перед отчеством, как бы не решаясь назвать Каратова просто по имени, – вы немного ошиблись, приняв моего брата за ухажёра. Знакомьтесь: это Глеб, мой родной брат.

Лицо Вадима вытянулось, он не знал куда девать свои руки, до сих пор сжатые в кулаки. Несколько секунд он стоял, не решаясь предпринять что-либо, но потом чувство юмора взяло верх и Каратов тоже расхохотался. Ещё не окончив смеяться, он подошёл к Глебу и дружески протянул ему руку:

– Вадим, – представился он. – Вы уж извините меня, Глеб, я очень долго ждал вашу сестру, и немного озверел в засаде.

Глеб запрокинул голову и расхохотался:

– Очень приятно познакомиться, – он пожал руку Вадима.

Вероника во все глаза смотрела на Вадима, как будто видела его впервые. Она была без очков, отчего у Каратова мелькнула мысль, что девушка носит их просто для солидности. Сходство с братом была незначительной, что-то общее было в верхней части лиц, и то, если внимательно приглядываться. Глеб был почти на голову выше сестры, хотя Вероника была не малень-

кая для девушки – где-то под метр семьдесят. И брат, и сестра имели тёмно-коричневый цвет волос, по всей видимости, Вероника не красилась, что, безусловно было плюсом с точки зрения Вадима, который предпочитал девушек с естественным природным цветом, а не замаскированными под те цвета, которые сейчас в моде.

Глеб был умным парнем, он сразу почувствовал, что лишний в этом положении, поэтому откланялся:

– Был рад познакомиться, – сказал он, глядя в глаза Вадиму. – Ника, я поднимусь к отцу.

Глеб исчез за дверью парадной.

– Я сейчас, – встрепенулся Вадим, бросившись к своей машине.

Вероника осталась одна стоять на дорожке, ведущей к подъезду. Каратов схватил сирень, и захлопнул дверь автомобиля. Выпрямившись, Вадим замер, любуясь девушкой: в свете фонаря, в бликах белой ленинградской ночи, она была похожа на неземное существо, прибывшее из другой галактики – так, по крайней мере казалось влюблённому Каратову. На Веронике был красивый брючный костюм цвета спелой вишни, волосы были зачёсаны назад, открывая высокий, как у брата, красивый лоб. Уличный фонарь отражал блеск незатейливого скромного украшения в волосах инопланетянки, но Вадиму казалось, что это блестящая звезда, что так и положено неземным красавицам иметь звезду в волосах. И не меньше!

Небесное создание шевельнулось, Вадим обрёл дар речи. Подбежав к девушке, он протянул букет, и сказал совершенно не к месту:

– Извини, но магазин был закрыт, и я вот...

– Спасибо. Как мило, – ответила Вероника, беря цветы.

– Пойдём, пройдемся?

– Хорошо.

Они, не сговариваясь не касались того, что произошло между ними в школе. Казалось, это было не с ними, казалось, это произошло с кем-то и давно-давно. Вадим был на вершине блаженства, держа за руку Веронику. Он рассказывал ей о своей работе, рассказывал об Олеге, говорил много об Айвазовском, своём любимом художнике, коснулся даже политики, но вовремя спохватился – уж о ней-то негоже говорить на свидании с девушкой. Выговорившись, Вадим вдруг осознал, что сама Вероника ещё ничего не сказала, а трепал языком только он! Смутившись, он попросил её рассказать о себе.

– Живу я с отцом, мама умерла семь лет назад в экспедиции – она была врачом в археологическо-географической партии. Они что-то искали и раскапывали в Монголии, там мама заразилась какой-то гадостью, и её не стало. Глеб теперь ищет противоядие против этих болезней – он биолог, изучает всякие яды и заразы.

– Он с вами не живёт? – спросил Вадим.

– Нет, он работает и живёт в Москве, а к нам приезжает раза три в год.

– А чем отец твой занимается?

– Он мастер на заводе, на этом... кажется, на ленинградском инструментальном, по моему он так называется.

– Да, есть такой: ЛИЗ – Ленинградский Инструментальный завод, находится на Новгородской улице. Был я там один раз по работе.

– Точно, он находится на Новгородской! Я как-то встречала папу после работы... Папа у меня славный, он справедливый, никогда, на сколько я помню, не кричал, не повышал голоса на маму и меня. Он боится, что, если я выйду замуж, то оставлю его одного, но этого никогда не будет! Я имею ввиду, что никогда не оставлю папу.

– Я рад, что у тебя такие отношения с отцом, – искренне сказал Вадим. – Чем ты увлекаешься, Вероника, кроме того, что ставишь двойки моему отроку?

– Я обожаю читать и потом мечтаю о дальних странах. Ещё я посещала раньше кружок танцев, я очень люблю танцевать. А... ты? – девушка с трудом, но заставила себя перейти на «ты».

– Я? Я отношусь к танцам нейтрально. Раньше мог до одури танцевать, но потом как-то не до танцев стало, – ответил Вадим, и сам ужаснулся, как это прозвучало. Со стороны, наверное, казалось, что говорит старик. – Нет, по большому счёту я могу так зажечь, что мало не покажется, – быстро добавил он, выправляя положение.

– Твоя жена была красивая? – задала девушка совсем ненужный вопрос.

– Наверное. Для меня – да, а для других – не знаю.

Он взял руки Вероники в свои, прижался к ним губами и прошептал:

– Любимая, я без тебя не могу существовать. Давай никогда не расставаться!

Девушка замерла, потом высвободила руки и обвила ими шею Вадима:

– Я, наверное, согласна.

Они слились в долгом поцелуи.

Потом влюблённые долго бродили по аллеям проспекта Гагарина, то и дело останавливаясь для долгих поцелуев. Вадим не стал спрашивать Веронику о бывших мужчинах, которые были с ней, как это иногда делают глупые ухажёры – его это не интересовало. Пришёл альфа-самец за своей женщиной, и никакие бывшие его не пугали. Когда время перевалило далеко за полночь влюблённые знали друг о друге почти всё. Так откровенно о себе не рассказывал никогда ни он, ни она, что говорило о взаимном доверии. Вадим проводил Веронику до дверей квартиры. Прощались они долго, но всё когда-то кончается, и Каратов с сожалением оторвавшись от девушки, на прощание сказал:

– Я буду считать минуты до следующей встречи, любимая!

– Я тоже, – ответила Вероника.

– Завтра, вернее уже сегодня, я вечером провожаю сына в Латвию, на все летние каникулы. Потом поеду к тебе, ты ведь не против?

– Конечно, я буду с нетерпением ждать!

Наконец, счастливый Вадим отпустил руки девушки и ринулся вниз по лестнице. Не оглядываясь, он добежал до машины и нырнул в неё. Усевшись за руль, Вадим закрыл глаза и сидел так долго не шевелясь, боясь нарушить сладкую истому, после долгого свидания. Счастье переполняло Каратова, он даже поймал себя на мысли, что такое с ним случилось не наяву, а во сне! Прошло полчаса, и только тогда он включил двигатель. Медленно Вадим вёл машину по ночным улицам к своему дому. Спать совершенно не хотелось, он даже подумал, не поехать ли ему сразу на работу, но вовремя одумался – торчать в машине остаток ночи, даже после такого свидания, было верхом идиотизма. Правда, Каратов и чувствовал себя на грани помешательства.

Всё же он благополучно доехал до дома. Открыв дверь своей квартиры, Вадим прислушался, но вокруг стояла полная тишина. Прокравшись на кухню, он сделал себе пару бутербродов с колбасой, запил их остывшим чаем, после чего рухнул на тахту. Заснул Вадим почти сразу, счастливая улыбка как будто навсегда застыла на его лице.

Утром он обнаружил на своём письменном столе записку от сына, которую вчера не заметил в темноте. Сашка писал, что было три телефонных звонка от клиентов по поводу ремонта двигателей. Это было очень кстати – Вадим надеялся, что с помощью дополнительного заработка он поправит семейный бюджет. Ещё до командировки он отправил деньги тётки в Латвию, теперь маячила возможность их восполнить. Каратов перед уходом заглянул к сыну в комнату. Тот спал, уютно свернувшись калачиком, спал настолько сладко, что из уголка рта вытекло немного слюны на подушку. Вадим поправил одеяло и тихо вышел.

На работе бурлений после собрания никаких не наблюдалось. Все сидели на своих рабочих местах и трудились во благо обороны любимой Родины. Только Олег ёрзал на своём стуле,

время от времени поглядывая на друга. Дождавшись десятиминутного перекура, он схватил Вадима за рукав и оттащил его от курилки на лестницу.

– Вадя, помнишь мы с тобой начали разрабатывать идею облегчения БЦС за счёт принципиально нового подхода к схемам?

– Ну, да, помню, потом чего-то у нас не получилось, и мы забросили это дело, хотя перспектива в этом направлении была хорошая, – ответил Каратов.

– Давай вернёмся к этой идеи! – Чулков снова схватил Вадима за рукав.

– Олег, я понимаю, что ты хочешь застолбить за собой место на работе за счёт этой идеи, но...

– Не за собой, а за нами, чудило! Ведь, если мы добьёмся результата, то нас точно не коснётся эта чёртова конверсия!

– Ещё ничего не известно, Олег. Гамлет сказал, что «может быть», а это не значит наверняка. И потом эта тема, как минимум тянет на кандидатскую и...

– Отлично, – снова перебил Чулков друга, – ты и защитишься, а меня укажешь, как помощника.

– Нет, Олег, так не пойдёт! Я прекрасно помню, что первым идею подал ты, а я к тебе присоединился уже после.

– Да плевать, кто первым начал, главное, продолжить работу в этом направлении, а там разберёмся!

Вадим прекрасно понимал Олега. По своей натуре Чулков был немного лентяем, зато голова у него была светлая. Идеи, и не плохие, надо заметить, частенько наведывались в его буйную голову, но что-то довести до ума у него не хватало терпения и усидчивости. Собственно, именно поэтому Олег ещё не был со степенью, хотя будь на его месте кто-то другой, с более прагматичной головой, то тот давно бы стал доктором наук. Каратов раскусил замысел друга – Вадиму отводилась вся подготовительная, техническая часть, а Олег будет только подбрасывать идеи. Времени на это у Вадима не было, учитывая, что большую часть своего досуга он теперь будет проводить с любимой женщиной, да и халтуру не надо сбрасывать со счёта, поэтому Каратов отрицательно покачал головой и сказал:

– Видишь ли, Олежек, я именно сейчас буду очень занят, поэтому помочь тебе не в силах.

– Ты же говорил, что Сашка сегодня уезжает в Латвию?!

– Правильно, сегодня вечером я его провожаю...

– Так в чём же дело? Или твоя халтура в гаражах тебе мешает? Так я её...

– Халтура здесь не при чём, Олег! – теперь Вадим перебил друга. – Я буду много времени проводить с Вероникой, да и не до научных разработок мне сейчас.

– Ах, вот в чём дело! – Олег погрустнел. Он прекрасно знал, что такое увлечься женщиной. – Ладно, я всё равно начну не спеша, а ты ко мне потом присоединишься.

На том и порешили. Рабочий день тянулся для Вадима нескончаемо долго, выручила дремота, в которую он впал сразу после обеда – всё же бессонная ночь дала о себе знать.

После смены Каратов, как всегда, отвёз друга домой. Олег, вылезая из машины не удержался напомнить:

– Вадя, КБ работают над этой проблемой, как бы нам не опоздать!

– Ладно, подумаем, – ответил Каратов.

Отъезжая, он увидел, что Олег не дошёл до своей парадной, а свернул к магазину. «Всё ясно, Олежек сегодня напьётся и будет заплетающимся языком ничего не понимающей матери рассказывать о том, как этот олух Вадя отказался работать с ним над перспективной идеей из-за бабы!» – усмехнувшись подумал Вадим. Он помчался в сторону дома, так как надо было ещё проследить за Сашкой – тот наверняка ещё не соизволил собрать чемодан.

Примчавшись домой, Вадим с удивлением констатировал, что сын уже закрывает крышку чемодана.

– Всё собрал, друг? – спросил он, когда они обменялись приветствиями.

– Ага.

– Поезд отходит в половине десятого, есть ещё время перекусить на дороге. Ты что сегодня ел?

– Остался ещё обед с прошлого раза, так что я не голодный, – ответил сын.

– Вот, держи пять рублей на дорогу, на всякий случай. Там тебя встретят, я тётке отправлял телеграмму.

Они доели остатки жареной рыбы с картошкой, после чего присели на дорогу. Вадим закурил и спросил:

– Писать ты не будешь, как я понимаю?

– Не-а, – ответил Сашка.

– Ну и правильно! Я тоже не любитель писать. Что нужно узнать, я спрошу у тётки – уж ей-то мне придётся написать. Ты всё собрал?

– Ты уже спрашивал, по-моему, всё.

– Ладно, ты самостоятельный человек, если что забыл – виноват будешь сам.

– Ага, – Сашка с готовностью согласился. По всей видимости, он уже был в дороге.

– Поехали.

Отец с сыном благополучно добрались до Варшавского вокзала. Убедившись, что Сашка занял своё место в вагоне, Вадим обнял его и сказал:

– Отдыхай, набирайся сил на следующий учебный год, слушайся тётку, ну и просто веди себя хорошо, чтобы мне за тебя не было стыдно. Всё, пока, сын, до встречи в августе!

Каратов ещё раз потискал Сашку, поцеловал его и выскочил из вагона. Дождавшись, пока поезд тронется, Вадим помахал сыну на прощание и развернувшись пошёл в сторону своей машины. Стало сразу как-то пусто на душе. Вот он придет домой, а там никого нет. Но вот мысли переключились на Веронику, и сразу душа запела, беспокойство о сыне ушло на второй план, Вадим взбодрился, и даже стал напевать мелодию из репертуара Пола Маккартни. Так он и упражнялся в вокале до самого дома Вероники.

Она выпорхнула из парадной, как показалось Вадиму, грациозной ланью. Каратов встретил любимую с букетом цветов в руках, который он приобрёл в привокзальном киоске. Вадим усадил Веронику в машину и рванул в сторону ЦПКО. Они долго бродили по аллеям парка, пока не вышли к ресторану «Восточный», который находился на берегу небольшого озера. Каратов уговорил Веронику посетить это заведение, так как изрядно проголодался. Они славно поужинали, правда, всё чуть не испортил официант, который недоумевал, почему такая симпатичная пара не хочет брать спиртное. После ресторана они снова гуляли по аллеям, и говорили, говорили. В час ночи Вадим повёз Веронику к себе домой.

– Посмотришь, как мы с Сашкой живём, – сказал Вадим.

– Неудобно в такой поздний час, – возразила Вероника.

– Я же тебе рассказывал, что сын сегодня укатил в Латвию на всё лето!

Девушка немного успокоилась. Потом через минуту снова у неё возникли сомнения:

– Вадим, может не надо так... форсировать события?

Каратов даже притормозил. Потом снова набрал скорость и ответил:

– Я понимаю тебя, Вероника. То, что случилось тогда в школе выходит за рамки привычного, ты это оставляешь как бы за скобками, но жизнь продолжается, и... разве ты не хочешь снова... – Вадим еле подбирал слова. Он не ожидал, что Вероника заупрямится и ответит отказом на его предложение. Они первый раз коснулись этой темы, и Вадим был уверен, что никаких препятствий не будет! А теперь Вероника ставила преграду, она действительно считала тот случай в школе чем-то особенным, выходящим за рамки условностей, чем-то вроде вспышки, которая может никогда не повториться.

Девушка посмотрела на него и сказала:

– Вадим, если у тебя серьёзные намерения, то я согласна... на посещение твоей квартиры, но вдруг...

– Никаких «вдруг» не будет! Я люблю тебя, Вероника, и никому не отдам. Мы на эту тему с тобой уже говорили. – Вадим тихо вздохнул, скосил глаза на девушку и неожиданно продолжил: – Хорошо, если ты так ставишь вопрос, то завтра же подадим заявление в ЗАГС, а сейчас я отвезу тебя домой.

Машина остановилась у дома Вероники. Вадим вылез из автомобиля, обошёл его, и открыл дверь, где сидела девушка: – Прошу.

Вдруг Вероника закрыла дверь. Каратов снова обошёл машину и уселся на своё место.

– Поехали к тебе, я хочу посмотреть, как ты живёшь! – воскликнула она.

Вадим не стал задавать никаких вопросов о том, почему Вероника так резко поменяла своё решение. Он просто развернулся и погнал машину к своему дому...

Утром, перед тем как уйти на работу, он на столе оставил записку:

«Ника! Оставляю тебе ключи, распорядись всем по своему усмотрению.
Еда в холодильнике, я позвоню часов в десять. Отдыхай. Люблю, целую.
Твой Вадим.»

Так началась их совместная жизнь. Каждый день по вечерам они навещали отца Вероники, который уже смирился с переездом дочери. Глеб, брат Вероники, уехал в Москву – у него закончились отгулы. Николай Васильевич Галкин сначала был настроен против Вадима, но со временем его отношение к Каратову изменилось в лучшую сторону. Была назначена дата свадьбы и Николай Васильевич успокоился. Теперь он даже частенько брал сторону будущего зятя, когда Вадим о чём-то спорил с Вероникой, что происходило довольно редко. В основном жизненная позиция обоих молодых людей совпадала, поэтому разногласия носили чисто бытовой характер. Единственное, что беспокоило Веронику и против чего она была категорически отрицательно настроена, так это частые отлучки Вадима в гаражи. Каратов же думал о предстоящих свадебных расходах, поэтому не отказывался от любой халтуры.

Однажды Вадим даже обратился к Николаю Васильевичу с просьбой повлиять на мнение Вероники относительно его левых работ на стороне.

– Она не понимает, что сейчас на один голый оклад не проживёшь! Николай Васильевич, скажите, пожалуйста, Веронике, что моя халтура необходима для семейного бюджета!

– Скажу, Вадим, скажу, но боюсь она меня не очень-то послушает.

Вадим поменялся с Олегом временем отпусков. Теперь Олег уходил на отдых в сентябре, а Вадим – в августе. Чулкову было всё равно когда уходить в отпуск, а Каратову было жизненно необходимо перенести отпуск на август, так как на двадцатое число этого месяца была назначена свадьба. Олег сначала эгоистично отнёсся к браку друга, он всячески ставил под сомнение это решение, утверждая, что за такой короткий срок не то, что проверить чувства – решить какие котлеты делать на ужин невозможно! Но постепенно он сдал позиции, видя с какими глазами летит на встречу с девушкой Вадим.

– Когда-нибудь это всё равно должно случиться, так почему не сейчас? – философски заключил Олег и стал думать о свадебном подарке.

Всё лето Вадим разрывался между домом, официальной работой и работой в гаражах. Единственное, что его утешало в этот период, так это верно ждущая дома Вероника. Каратов похудел, что сделало его ещё стройнее и благообразнее. Вадим не замечал, как его избранница всё хорошеет, и что это всё более заметно стало по мере приближения даты свадьбы. Вероника превращалась в красивую даму из высшего общества. Этому способствовало женское сознание, что она является избранной одним мужчиной, который её любит и боготворит. Безоблачное, чистое небо было над головой влюблённых и, кажется, ничто не сможет омрачить их счастье.

Это случилось в четверг, семнадцатого августа в двадцать часов четырнадцать минут. Вероника шла по улице Фрунзе из булочной. Когда она переходила по пешеходному переходу улицу Ленсовета, её сбил на смерть пьяный водитель.

Часть 2

Падение в бездну.

1.

Вадим разогнул спину и вылез из-под капота. Регулировка клапанов заняла не так много времени. На очереди была следующая машина, но там ремонт предстоял серьёзный. Свистнув дядю Жору, он стал ветошью вытирать испачканные руки. Подошедший мужик был своеобразной личностью: две лохматых гусеницы ему заменяли брови, курчавая густая грива волос была вечно растрёпана, она сидела на могучем торсе, а вот кисти больших рук дяди Жоры были на удивление маленькими, они находились в резком контрасте со всем обликом этого гиганта. Вадим ценил дядю Жору за безотказность. Тот работал в гаражах уже не один десяток лет, и всегда всем помогал, хотя как специалист был узкого профиля – в основном дядя Жора занимался шиномонтажом. Когда у Жоры клиентов не было, его всегда эксплуатировали водители, вечно что-то чинившие в ремонтной зоне гаражей. Возраста дяди Жоры никто не знал – это никого не интересовало, но на вид этому добродушному увальню было не меньше пятидесяти.

Дядя Жора подошёл к боксу, в котором Вадим занимался ремонтом, и жизнерадостно спросил:

– Чего тебе, Петрович?

– Как ты думаешь, мы сможем быстро починить вон ту машину, там надо сменить маслосъёмные кольца на поршнях? Мне задерживаться сегодня нельзя, я начну, а ты – закончишь, а? – Каратов спешил к Веронике.

– Там надо растачивать блок, – радостно улыбаясь, возразил дядя Жора.

– Да? А я думал, что просто заменить кольца. Что-то я заработался, пора на отдых. Если растачивать блок, то возьми в помощники Валентина, а я сегодня не могу.

– Петрович, не переживай – это не к спеху. Двигатель с той машины сначала надо отвезти в нашу мастерскую на Кировский проспект, а потом уже заниматься кольцами.

– Ну, ладно, тогда я пошёл. Значит, займёшься, дядя Жора?

– Ага.

Серьёзный ремонт двигателей производился в ремонтных мастерских, расположенных недалеко от Кировского завода. Там находились все нужные для таких ремонтов станки и прочее оборудование. Вадим часто обращался за помощью туда, если сделать ремонт своими силами не удавалось из-за нехватки в гаражах ремонтных мощностей.

Каратов умылся, сел в машину, и рванул к своему дому. До свадьбы оставалось не так много времени, а дел ещё было невпроворот. Последнее время Вадим редко когда приходил с работы вовремя, стараясь больше заработать, ибо свадьба предполагала большие расходы. Желая угодить Веронике, он не скупился, понимая, что для девушки такое событие как свадьба очень важно. Сегодня, семнадцатого августа, Вадим спешил в ресторан, где был арендован зал, чтобы внести оставшуюся сумму. Ресторан находился в Купчино, на Бухарестской улице, куда сейчас и летел на своей машине Вадим. Отдав деньги заместителю директора, он договорился ещё об ансамбле, который будет часа три играть, чтобы многочисленным гостям можно было повеселиться на славу. Теперь надо скорее ехать домой, где Вероника грозилась приготовить ему вкусный ужин. Вадим посмотрел на часы – уже почти девять. Прибавив газу, Каратов вылетел на проспект Славы. До дома было не так далеко, оставалось сделать всего пару поворотов. Ровно в двадцать один ноль-ноль, Вадим остановился у своей парадной. Нетерпеливо дожидаясь лифта, он гадал: какое блюдо приготовила ему Вероника. Предвкушая вкусный запах, который его встретит в квартире, он открыл дверь.

– Ника! Я пришёл! – воскликнул Вадим.

Но никто не отозвался на его призыв. Каратов обошёл всю квартиру, но Вероники нигде не было. Посмотрев на вешалку, он не увидел туфельки девушки, зато тапочки стояли аккуратно засунутые в свой отсек. Успокоившись, Вадим решил, что Вероника пошла за чем-то в магазин. Уже десятый час, и долго ждать не придётся, потому что магазины все работают до девяти, кроме дежурного на Московском проспекте, но туда Вероника вряд ли пойдёт. Ждать совсем недолго. Так рассуждая, Каратов сел в своё любимое кресло, взял телефон и набрал номер Олега. Но друг не отозвался. Вадим с досадой опустил трубку – Олег был ответственен за спиртное для свадьбы, и Каратов хотел поинтересоваться, как там дела на счёт этого. Включив магнитофон, Вадим направился в кухню. Насвистывая в унисон мелодию, лившуюся из динамиков, он открыл духовку. Там под слоем специй стояло какое-то таинственное блюдо, которым Вероника хотела порадовать Вадима. Понюхав Вероникину заготовку, он решил, что пахнет интригующе. Каратов потёр руки, предвкушая вкуснейшую трапезу, тем более что он был очень голоден.

Подождав ещё немного, Вадим решил принять душ. Оставив дверь в ванную приоткрытой, чтобы не прозевать звонки, он разделся и залез под тёплую струю. Напевая вместе с «Любэ» про мужиков, которым не гоже рубить дерева, он смывал с себя рабочий пот после гаражной деятельности. Закончив мытьё, Вадим удивлённо прошёлся опять по квартире – Вероники всё ещё не было. Тогда он сел в кресло и набрал номер Николая Васильевича. Прослушав череду длинных гудков, Каратов недоумённо положил трубку. Потом опять решил набрать номер Олега. На этот раз в трубке раздался полупьяный голос друга:

– Привет, жених!

– Олег, как там со спиртным дела?

– Отлично! Тех денег, что ты мне дал не хватило, но я добавил своих. Закуплено два ящика водки, не считая шампанского и нескольких бутылок вина! – радостно сообщил Чулков.

– Ты сдурел, Олег! У нас не пьянка намечается, а свадьба! – возмущённо воскликнул Каратов.

– Старик, не ори. Ты ничего не понимаешь в подготовках к свадьбам! Посчитай сам: бутылок десять сразу выставляем на стол, через час – да даже раньше – выставляем ещё столько же, потом ты не учитываешь ещё два дня, что мы людям выставим на стол в эти два дня, а?!

– Какие два дня? – удивлённо спросил Вадим.

– Ха, ты думаешь зажить свадьбу! Люди на свадьбах гуляют три дня минимум!! – Олег пьяно отстаивал свою правоту.

– Олег, послушай, никто не собирается гулять три дня! Мы с Вероникой на следующий день улетаем в Крым, уже билеты взяты, и ты это знаешь!

– Летите куда хотите! А людям надо гулять! Как ты это не понимаешь!?

– Ладно, поступайте как хотите, – сдался Вадим, – но только я прошу тебя, Олег не делай из квартиры вокзал!

– Не волнуйся, у тебя там Цербер есть, она присмотрит, – ответил Чулков, имея ввиду Настю Голубеву.

– Олелек, ты не знаешь, куда подевалась моя невеста? – спросил на всякий случай Каратов.

– Наверное, отмечает конец свободы, – высказал предположение друг. – Я бы на её месте так и сделал.

– У неё встреча с подругами, так сказать девичник, должна состояться завтра.

– А она решила начать раньше! – в трубке раздался хриплый хохот Олега.

– Иди ты к чёрту, – не зло сказал Вадим, и повесил трубку.

Посидев в кресле ещё немного, Вадим встал и направился в комнату сына. Свернув записки под стеклом столешницы, он удостоверился, что Сашка приезжает двадцать девятого. Они

с Вероникой рассчитали так: после свадьбы, двадцать первого они улетают на неделю в Крым, двадцать восьмого возвращаются, двадцать девятого встречают Сашку, а первого сентября все разбегаются по своим работам. Отпуск Вадима начался ещё десять дней назад, но он почти всё время проводил в гаражах, зарабатывая деньги на свадьбу. Вот и сегодня он пришёл домой аж в девять вечера, но Вероники дома не оказалось.

Вадим ещё раз набрал номер Николая Васильевича, и опять в трубке звучали длинные равнодушные гудки. Каратов пожал плечами, одел свой повседневный костюм, сунул в рот бутерброд с сыром, и стал спускаться во двор. Он подумал, что с телефоном будущего тестя что-то случилось. Сейчас он доедет до дома Вероники и всё выяснится – ехать-то всего пару остановок. Вадим уже через пять минут звонил в дверь Галкиных. Но тщетно: на звонок никто не среагировал. Постучав по двери, Каратов подождал немного, и спустился во двор. Покрутив головой, он сел опять в машину и стал вспоминать, что говорила Вероника о своих подругах. Сведений на этот счёт было мало. Вадим вспомнил, что девушка упоминала какую-то Нину, с которой она вместе училась в институте, что та живёт на Большом проспекте на Петроградской стороне, но в каком конкретно доме он не помнил, а может Вероника и не говорила. Подождав ещё минут двадцать, Вадим вдруг сообразил, что девушка может позвонить по телефону, а его дома нет! Каратов резко развернулся и помчался обратно. Уже подъезжая к дому, он подумал о блюде, которое томится в духовке. Газ Вероника не включала, только поставила туда, значит рассчитывала вернуться скоро. Тревога вдруг охватила Вадима. Отца нет дома, Вероника исчезла, что, чёрт возьми происходит!?! Каратов вернулся в квартиру и уселся снова у телефона, решив дожидаться звонка во что бы то ни стало.

Когда часы показали двенадцать ночи, Вадим встал с кресла и прошёл на кухню. Достав из шкафчика бутылку коньяка, он вернулся с ней на свой пост. Поставив коньяк на журнальный столик, Каратов вернулся на кухню и взял из холодильника лимон и кусок отварной курятины. Налив коньяк в рюмку, Вадим вздохнул и выпил обжигающую жидкость. Зажевав лимоном спиртное, он уставился невидящим взглядом в окно. Ночь царила над Ленинградом, звёзд, как всегда, не было видно, только огни большого города отражались в низких тучах, или это Вадиму только показалось?

Каратов хлопнул ещё одну рюмку, после чего его чувства обострились. Он стал выстраивать различные версии случившегося. После четвёртой рюмки он пришёл к выводу, что его нагло обманули, можно даже сказать – жестоко. Где-то это он уже видел, кажется, в каком-то фильме, там невесту уводят из-под венца накануне свадьбы. Может ли у Вероники оказаться тайный воздыхатель, который способен на такую подлость?! Вадим отрицательно покачал головой, как бы отвечая на этот вопрос. Ревность, тревога – всё перемешалось в голове Каратова. Он хлопнул ещё пару рюмок, после чего почувствовал смертельную усталость. Не раздеваясь, Вадим рухнул на тахту и заснул.

Проснулся Каратов в десять утра. Посмотрев на рядом лежащую подушку, и не увидев на ней опрятную тёмную головку Вероники, он окончательно очнулся. Сев на постели, Вадим решил сразу позвонить Николаю Васильевичу. Он отгонял от себя тревожные мысли, которые упрямо лезли в голову. Услышав в трубке короткие гудки, он обрадовался – старик с кем-то разговаривает, может, даже с Вероникой! Подождав немного, он снова набрал номер будущего тестя. На этот раз, после непродолжительной паузы, в трубке раздался вялый голос Николай Васильевича. У Вадима ёкнуло сердце, когда он услышал равнодушное «слушаю», так мог отвечать только чем-то ошарашенный человек.

– Здравствуйте, Николай Васильевич, вы не в курсе, где может быть Вероника, она дома не ночевала? – Вадим затаил дыхание.

В трубке послышалось какое-то бульканье, какой-то хлюпающий звук, после чего голос Николая Васильевича хрипло ответил:

– Вадим, приезжай немедленно, Вероники больше нет, – и в трубке раздались гудки.

Каратов тупо смотрел на телефон, не решаясь включать мозги, чтобы не сойти с ума от такого известия. Он на автомате помылся, и не завтракая, как был в мятом костюме, спустился к машине. Автоматически доехал до знакомого дома и поднялся на третий этаж.

Дверь была приоткрыта, и Вадим зашёл в квартиру. Густой запах валерьянки висел в воздухе. Николая Васильевича он нашёл сидящим на диване около журнального столика, на котором стояли склянки с различными лекарствами. Мужчина поднял красные глаза на вошедшего:

– Садись, Вадим. Я узнал об этом вчера в десять часов... Мне позвонили из милиции, сказали, что предположительно вашу дочь сбила машина, просили приехать в районный морг, что находится возле отделения... Я сразу приехал, Вадим, это действительно была моя дочь... Она там лежит такая холодная, такая одинокая... – Николай Васильевич не выдержал и разрыдался. Он сидел на диване и хлюпал носом, как подросток, не стесняясь Вадима.

Каратов сидел, не произнося ни звука. В его голове проносились мысли, что этого просто не может быть, потому что это не может случиться именно с ним, именно с ним, именно с ним, – в мозгу пунктиром вспыхивал рефрен. Перед глазами вдруг предстала живая Вероника и на глазах Вадима навернулись слёзы. Он встал и отошёл к окну, бездумно уставился на двор. Через несколько минут он взял себя в руки, повернулся к Николаю Васильевичу и спросил:

– Где это случилось?

– На углу Ленсовета и Фрунзе, она переходила дорогу, и какой-то пьяный идиот наехал на неё, – Николай Васильевич взял пузырёк какой-то настойки и стал капать в стакан.

– Пьяный?! – Вадим сел рядом с отцом Вероники. – Откуда вы знаете?

– Милиционер сказал. Говорит, эта сволочь еле языком ворочала.

– Кто он, мент не сказал?

– Нет, да мне было не до этого, – Николай Васильевич невидящим взглядом уставился в одну точку.

Каратов почувствовал, как ему кровь ударила в голову. Какой-то пьяный мудака разрушил ВСЁ!!! Вадим сжал кулаки – пусть он сядет, но этого ублюдка убьёт! Через минуту он вспомнил о Сашке и ему захотелось завывать волком. Но всё равно он отомстит этому недочеловеку! Каратов встал перед отцом и сказал:

– Николай Васильевич, я так это не оставлю, негодяй заслужил смерть, и он её получит!

– Что ты, Вадим, – очнулся от своих горестных мыслей отец Вероники, – его и так будут судить, зачем себе портить жизнь?

– Да как вы не понимаете?! Я люблю вашу дочь больше жизни, а этот гад отнял у меня жизнь!!

Николай Васильевич посмотрел заплаканными глазами на молодого человека. Видимо, он что-то увидел во взоре Каратова, потому что вдруг понял всю серьёзность высказанной угрозы.

– Не горячись, Вадим, без тебя разберутся, – отец вяло махнул рукой.

Они молчали минут пять, потом Вадим сел и спросил:

– Как стало известно, что сбили именно Веронику? У неё ведь документов с собой не было? – он цеплялся за последнюю надежду, хотя отец говорил, что это была точно она, ведь он был в морге.

– Её сразу опознали две женщины, матери учениц. Ведь там живут те, чьи дети посещают школу, где преподавала Вероника.

У Вадима исчезла последняя надежда – школа была в двух шагах от этого перекрёстка.

– Что вы намерены сейчас предпринять? – спросил Каратов, лишь бы не молчать.

– Я позвонил Глебушке в Москву, он прилетит сегодня вечером. Потом мы займёмся похоронами.

Вадим встал:

– Я отправляюсь в милицию, всё узнаю об этой сволочи, потом приеду к вам.

– Не делай глупостей, Вадим, – в след ответил Николай Васильевич.

Вставляя ключ в замок зажигания, Вадим оцарапал всю рулевую колонку – так у него тряслись руки. Закрыв глаза, он пять минут посидел, после чего немного успокоился. Мозг чётко работал на определённую задачу, а именно: найти и уничтожить гада! Машина взревела на больших оборотах и пулей вылетела со двора.

Районное ГАИ находилось недалеко от станции метро «Московские ворота», до которого Каратов долетел за каких-то пятнадцать минут. Припарковав машину возле милицейского «УАЗа», он взбежал по ступенькам на второй этаж. В ГАИ было, как всегда, много народу – кто приехал получить номера, кто оплачивать штраф, кто ещё по каким-то вопросам, но главные офицеры, отвечающие за различного рода ДТП, сидели в кабинетах на втором этаже, и это хорошо было известно Вадиму. Рванув дверь нужного кабинета на себя, он просунул голову в проём и спросил сидящего за столом капитана:

– Кто вчера выезжал на ДТП со смертельным исходом на угол Ленсовета и Фрунзе?

– Закройте дверь, молодой человек, – строго сказал капитан. – Выйдите и закройте, – добавил он, видя, что посетитель пытается войти в кабинет.

– У меня невеста погибла, ты, что не понимаешь!?! Через два дня свадьба должна быть, а какой-то придурок убил мою девушку! – заорал Вадим.

– Не ори! – повысил тон капитан. – Тихо и толком скажи, когда и где это произошло.

Запинаясь и путаясь, Каратов торопливо рассказал то, что ему поведал Николай Васильевич. Капитан заглянул в какую-то книгу, потом посмотрел на Вадима и угрюмо сказал:

– Да, к сожалению, был такой случай вчера, – он сочувственно посмотрел на Каратова. – Но все случаи со смертельным исходом автоматически переправляются на Попова. Поезжайте туда, там вам всё расскажут.

Вадим, забыв поблагодарить капитана, вернулся в машину. На улице Профессора Попова находилось главное управление ГАИ Ленинграда. Каратов погнал на Петроградскую сторону. Мыслей в голове никаких не было, кроме одной: наказать во что бы то ни стало урода, который убил его Веронику.

Около главного здания ГАИ стоянка была запрещена, и он отогнал машину в ближайший проулок. Расспросив дежурного, Вадим вскоре постучал в дверь кабинета, на двери которого висела табличка: капитан Виноградов И. П. Толкнув дверь, он оказался в узком кабинете, где у окна за столом сидел милиционер средних лет.

– Здравствуйте, я по поводу Вероники Галкиной, которую убил вчера один подонок на перекрёстке улиц Ленсовета и Фрунзе, – выпалил Вадим.

– Вы кто? – спросил спокойно капитан.

– Я – Каратов Вадим Петрович, – он протянул паспорт.

Виноградов взял документ, заглянул в него, и положил на стол:

– Я вас слушаю, Вадим Петрович.

– Кто задавил мою девушку?

– А вы кто будете этой девушке?

– Мы через два дня должны были пожениться!

Капитан Виноградов сделал сочувственно-угрюмое выражение лица:

– Что вы конкретно хотите узнать, Вадим Петрович?

– Кто эта мразь и как он будет наказан?!

– Присаживайтесь, – хозяин кабинета указал на стул. – Наказание определяет суд, – капитан открыл какую-то папку и стал читать в ней документы, освежая память. – Наезд совершил некто Павел Романович Ильин, 1971 года рождения, – капитан пошуршал страницами и продолжил: – М-да, он был пьян, что усугубляет вину, в его крови обнаружили две и четыре десятых промилле алкоголя, это классифицируется, как тяжёлое опьянение. Вашу девушку сбили на пешеходном переходе, что, естественно, отягощает вину Ильина.

– Конечно, ведь Вероника была учительницей, она в неполюженном месте и не могла переходить улицу! – воскликнул Вадим, тяжело дыша.

– Если вам интересно, то могу показать схему, которую составили мои коллеги на месте преступления, – капитан хотел хоть как-то помочь Вадиму. Он подвинул на край стола папку. Каратов автоматически посмотрел на неё, всё ещё находясь в сильном возбуждении. Через минуту он сумел взять себя в руки и уже более внимательно изучил схему. Глядя на неё, сразу всё становилось ясно – вина водителя была очевидной. Вадим с трудом оторвал взгляд от отмеченного места, где лежало тело его Вероники. Кулаки его сжались, и он спросил:

– Капитан, вы мне можете сказать адрес этого ублюдка?

– Не горячитесь, Вадим Петрович! Вы сейчас наломаете дров, потом вас надо будет сажать, а судя по всему, вы человек положительный, зачем вам приключения? Идите домой, суд во всём разберётся. Этот Ильин всё равно сейчас находится в КПЗ.

– Сколько ему могут дать? – глаза Вадима налились кровью.

– Ну, будут учтены все обстоятельства... судя по имеющимся данным, лет пять, а то и все семь могут присудить.

– За мою Веронику этот ублюдок отсидит всего пять лет?! – лицо Вадима приблизилось к лицу капитана Виноградова. – Да его надо расстрелять! Если наше гуманное государство это не сделает, то я сам, понимаете, сам убью этого гада!

Виноградов закрыл папку, и привстав со стула, сказал:

– Сядьте и не орите! Скоро дело передадут в суд, там и выясните отношения! Идите домой и поспите, примите успокоительное и поспите – мой вам совет. Вы где работаете?

– На заводе, инженером, – механически ответил Каратов.

– Отпроситесь на пару дней и отдохните, на сколько это возможно в вашем состоянии, – капитан с сочувствием посмотрел на Вадима.

– Я в отпуске, – так же механически сказал Каратов.

– Идите и отвлекитесь от мрачных мыслей. Я всё понимаю, поэтому советую даже выпить немного, но только в пределах нормы. Вы меня понимаете, товарищ?

– Да-да, конечно, – Вадим немного остыл, сообразив, что этот капитан ничем ему сейчас не поможет.

– Я вам сообщу, кто будет вести дело, – добавил в след уходящему капитан.

Он вышел из здания и сел в машину. Потом огляделся и нашёл глазами телефонную будку. Пошарив в карманах, нашёл две копейки, вылез из машины и направился к будке. Ему сейчас как никогда был нужен человек, с которым он мог поговорить и выплеснуть эмоции, облегчить хоть ненамного свою душу. Таким человеком был, несомненно, его друг Олег. Набрав номер рабочего телефона, Вадим закусил губу, торопя время. После трёх гудков в ухо влетел голос противного Бердникова:

– Лаборатория слушает.

– Позови, Веня, Олега, – попросил Каратов.

– А-а, наш отпускник звонит. Ты, говорят женишься?

– Не твоё дело! Позови Олега! – заорал в трубку Вадим, еле сдерживая себя, чтобы не обложить матом этого неприятного типа.

Раздался звук, от которого Вадим чуть не оглох – это Вениамин с силой бросил трубку на столешницу. Через минуту раздался весёлый голос друга:

– Привет, Вадя! Ты хочешь ещё заказать водки, или лучше побольше шампанского?

– Олег, Веронику сбила машина... насмерть, – голос Каратова дрогнул.

Наступило молчание, Олег не произносил ни слова, переваривая услышанное. Наконец, он спросил:

– Ты где сейчас?

– На Петроградской, недалеко от городского ГАИ.

– Я сейчас отпрошусь у Гамлета, через час буду у тебя. Держись, Вадя!

Каратов повесил трубку. Через полчаса он подъезжал к своему дому. Всё, что делал Вадим, происходило в автоматическом режиме. Иногда у него создавалось впечатление, что его дух, его эго покинуло тело и смотрит на него как бы со стороны. Это жуткое ощущение стало появляться недавно, как только он покинул квартиру Николая Васильевича. Вадим достал из кармана резиновое кольцо и стал интенсивно его мять, стараясь этим привычным упражнением вернуть себе расположение духа. Но всё равно оставалось ощущение, что он смотрит на себя со стороны.

Каратов припарковался на своём привычном месте возле парадной, механически включил сигнализацию, и поднялся на лифте к себе. Квартира встретила его устрашающим безмолвием. Тишина была настолько густой и подавляющей, что Вадима пробила дрожь. Он скорее включил на кухне радио, чтобы создать видимость присутствия в квартире кого-то ещё. Он сел в любимое кресло и закрыл глаза, но от этого стало ещё хуже. Страх охватил Вадима. Ему нужен был Олег, иначе был шанс сойти с ума. К счастью, раздался вскоре звонок, и Олег неуклюже вошёл в квартиру. Обняв друга, Чулков молча протянул бутылку водки, и только после этого сказал:

– Надо это пережить, Вадя, иначе можно загреметь в психушку. Давай выпьем и ты мне расскажешь, что случилось, а потом подумаем, как жить дальше. Если не хочешь рассказывать, то и не надо, расскажешь, когда сочтёшь нужным, – добавил быстро Олег, увидев страх в глазах друга.

Они уселись возле журнального столика. Чулков сам достал из холодильника закуску, после чего разлил водку по стопкам. Ничего не говоря вслух, они выпили, закусив солёными огурцами. Вадим не нарушал молчание, он сам налил по второй, и только после этого сказал:

– Вероника сбил какой-то Ильин – восемнадцатилетний щенок.

Олег снова наполнил стопки и ответил:

– Скорее всего, машину взял у отца, откуда у молодого говнюка может быть своя машина?

– Я тоже так думаю, Олег. Но теперь какая разница!?

Выпив ещё по рюмке, они снова замолчали. Чулков не решался заговорить, чтобы не мешать Вадиму пребывать в своём горе, а Каратов не находил слов, чтобы выразить своё состояние, чтобы друг понял, как ему сейчас плохо. Постепенно спиртное стало оказывать на Вадима своё расслабляющее действие. Он прислушался к себе – вроде, ощущение раздвоенности личности пропадало.

– Олег, как теперь жить, а? Как мне теперь жить? – повторил Каратов.

– Надо пережить это, Вадим. Надо отвлечься, заняться делом... каким-нибудь. Сашка когда приезжает?

– Через двенадцать дней... Олег, я боюсь оставаться один, – сказал Вадим. – Не знаю, почему, но боюсь. Какая-то пустота вокруг. Такая пустота, что кажется я больше не буду никогда прежним.

– Надо пережить, – повторил в который раз Чулков. – Мы с тобой будем каждый день встречаться. Когда я буду на работе, ты вызывай Анастасию, а вечером я буду приезжать. Сегодня пятница, я у тебя останусь на все выходные. А на следующей недели делай, как я говорю... Потом Сашка вернётся, ты, кстати, всё ему собрал для школы? – Олег пытался отвлечь Вадима.

Каратов махнул рукой, показывая, что сейчас ему не до этого. Олег захотел есть после выпитого. Он встал и прошёл на кухню. Только он хотел залезть в холодильник, как его нос учуял какой-то приятный пряный запах. Покрутившись, он сообразил открыть духовку – там стояло мясо в латке, которое Вероника хотела согреть Вадиму к его приходу. Чулков включил газ, чтобы блюдо готовилось. Потом открыл холодильник и наделал несколько бутербродов с сыром и ветчиной. Притащив всё в комнату, он посмотрел на пустую бутылку и сказал:

– Вадим, я там нашёл в духовке мясо, пока оно готовится, я съезжу домой за водкой. Ты последи за мясом, я быстро обернусь.

Олег вызывал такси по телефону, и через двадцать минут укатил, наказав Каратову не забывать о мясе.

Когда друг уехал, Вадиму стало опять страшно. Он бегал из одной комнаты в другую, боясь хоть на миг остановиться. Вдруг раздался телефонный звонок. Каратов, как к спасательному кругу бросился к телефону.

– Привет, Вадим, – раздался глухой голос дяди Жоры. – Ты сегодня придёшь в гараж? Нам же надо чинить машину клиента из семнадцатого гаража.

– Дядя Жора, прошу тебя, не звони и не жди меня в ближайшее время, я не смогу прийти, у меня жену убили! – Вадим с треском опустил трубку на рычаг. Потом, спохватившись, снова её поднял, чтобы разрушить одиночество, но связь, конечно, прервалась. Он снова заметался по квартире, пока снова не раздался телефонный звонок. Вадим жадно схватил трубку:

– Да!

– Здравствуйте, Вадим. Вас беспокоит Глеб, если вы ещё помните такого.

Каратов туго соображал сейчас, но всё-таки вспомнил, что так зовут брата Вероники.

– Да, Глеб, конечно, помню!

– Я только что прилетел и хочу у вас спросить: вы будете участвовать в похоронах?

– Я дам денег, Глеб, но похоронами вы займитесь с отцом сами – я хочу, чтобы Вероника осталась у меня в памяти живой. Прости, Глеб.

– Я понимаю, извините, – брат Вероники помолчал, потом спросил: – Вы узнали что-нибудь о том человеке?

Вадим понял о ком идёт речь:

– Пока очень мало, но в одном хочу тебя уверить – эта сволочь не уйдёт от возмездия! ... За деньгами заедешь сейчас, или позже?

– Лучше сейчас, – сказал Глеб и повесил трубку.

Только Вадим отошёл от телефона, как раздался звонок в дверь: вернулся Олег. В руках у Чулкова была зажата сетка с десятком бутылок водки.

– Как ты, Вадя? – Олег тревожно посмотрел на друга.

– Нормально, только страх почему-то не проходит, – ответил Вадим.

Олег запихнул водку в морозилку, после чего открыл духовку. Оттуда разнёсся по квартире умопомрачительный запах тушёного мяса. Чулков вытащил латку на конфорку, и позвал Вадима:

– Ты знаешь, Вадя, ты потерял не только жену, но и отличную хозяйку – это я тебе, как специалист говорю.

Увидев лицо Каратова, Олег заткнулся, сообразив, что в данный момент он ляпнул несусветную бестактность.

– Прости, Вадим, это я что-то не туда... Пошли, выпьем.

Они успели опрокинуть по три стопки, когда приехал Глеб. Брат Вероники был моложе друзей лет на семь. Он был длинный и какой-то нескладный, но несмотря на внешний вид, голова у Глеба соображала отлично – это Вадим знал из рассказов Вероники. Глеб работал в институте, который занимается то ли проблемами человека в общем, то ли генетикой, которая совсем недавно была под запретом, но невеста Вадима намекала на связь лаборатории брата с биологическим оружием. На высокий лоб молодого учёного легла печать траура. Глеб протиснулся в коридор и остановился, не зная куда идти дальше. Каратов пожал руку парню и сказал:

– Проходи, мы пьём, Глеб, ты к нам не присоединишься?

– Эта русская привычка заливать горе спиртным мне не нравится, хотя я и сам русский человек. Вадим, я хочу у вас спросить, можно ли добиться от суда справедливого приговора для этого субъекта? Как вы думаете?

– Эта мразь не только убила мою жену, но и покалечила жизнь многих. Глеб, я разговаривал сегодня с капитаном милиции, он говорит, что этому Ильину дадут не больше пяти лет.

Глеб задумчиво смотрел на Вадима:

– Вы считаете это справедливым?

– Конечно, нет!! Я считаю, что он заслуживает такое же наказание, которое оборвало жизнь моей Вероники! Но она ни в чём не была виновата! И этот ублюдок заслуживает такой же участи!

– Вы напрямую не говорите, но подразумеваете смертную казнь для этого Ильина, я вас правильно понял? – Глеб вопросительно посмотрел на Вадима.

– Так, так ты, парень, понял, – вмешался Олег, появляясь в коридоре.

Молодой человек посмотрел на Чулкова, в руках которого была зажата бутылка водки:

– Если вы так считаете, Вадим, то как вы осуществите свою... идею?

Каратов конкретно об этом не задумывался. Мысль отомстить витала в его мозгу, но как это осуществить, он не знал.

– Вадим, я вам потом позвоню, – сказал Глеб. – Я заехал, собственно, за тем, чтобы увидеть вашу решимость на конкретные действия, но сейчас говорить об этом неуместно. Прошу меня простить, мы, надеюсь, свяжемся с вами в другое время, – Глеб откланялся и стал вытаскивать своё нескладное тело на лестницу.

– Возьми деньги, – спохватился Вадим. – Были отложены на свадьбу, а теперь... – он не договорил, спазм сжал горло.

– Спасибо, не надо, – Глеб уже зашёл в лифт.

Друзья проводили глазами спускающуюся кабину, и пошли обратно в комнату.

– Этот парень мне понравился, – заявил Олег, когда они уселись у журнального столика. – Он не даст делу затухнуть! Поверь, если ты не будешь шевелиться, то этот Глеб отомстит за сестру.

– Я сам! Понимаешь, Олег, я – сам! – Вадим пьяно махал пальцем перед носом Чулкова. – Я эту гниду уничтожу сам!!

Они пили до десяти вечера, после чего упали на тахту и захрапели.

2.

От пьянки Вадим очнулся только в понедельник. Голова была не своя, но, как ни странно, не болела. Каратов медленно встал и его тут же опрокинуло назад на тахту. Оказывается, он ещё не протрезвел окончательно, хотя спал уже часов десять. Он повторил попытку принять вертикальное положение, которая увенчалась успехом. Стараясь не делать резких движений, Вадим продвинулся осторожно в ванну. Пустив холодную воду, он засунул голову под струю. Пока проходил процесс превращения из пьяного идиота в трезвого человека, Каратов ни о чём не думал. Первые мысли появились только через полчаса, когда он с мокрой головой сел в своё любимое кресло. Сначала Вадим подумал о своём друге. Чулкова в квартире не было, хотя Каратову казалось, что они вместе ложились спать. Потом посетила завистливая мысль о друге, который имел уникальную способность после пьянки всегда возвращаться на работу. Вадим посмотрел на часы – было половина десятого утра. Олег уже был на работе, и Каратов снова почувствовал, как к нему возвращается чувство страха. Вдруг раздался телефонный звонок, Вадим быстро схватил трубку.

– Здравствуйте, Вадим, – раздался голос Глеба. – Я сообщаю вам, что похороны состоятся завтра в десять утра. Собираемся у больницы, оттуда автобусы поедут на Южное кладбище. Вы придёте?

– Нет. Я тебе уже говорил, что не вынесу вида мёртвой Вероники, Глеб. Спасибо, что предупредил, но... – в трубке уже раздавались короткие гудки: брат Вероники прервал разговор.

Каратов посмотрел на телефон, как будто он был виновником прекращения связи. Вадим повернул голову к окну и тут же у него заболела голова – начался сильный похмельный синдром. Как обухом по голове прозвучала снова трель телефона. На этот раз звонил Олег:

– Привет, Вадя! Оклемался?

– Голова жутко болит, – отозвался Вадим, забыв ответить на приветствие.

– Загляни в морозильную камеру, там, по моим подсчётам, должна оставаться водка.

– Должна!? Ты же привозил десять бутылок! Мы что, всё умудрились сожрать?!

– С тобой – вряд ли, будь я со своим школьным товарищем, то тогда – элементарно. Ты не горюй, я сейчас отпрошусь у Гамлета, и скоро приеду.

– Давай скорее, Олег, у меня опять появляется это жуткое ощущение страха! – воскликнул Вадим.

– Жди, – сказал Чулков и повесил трубку.

Каратов дотащился до кухни и заглянул в морозильную камеру холодильника. Как и говорил Олег, там он нашёл две бутылки «столичной». Дрожащими руками Вадим открыл одну бутылку и налил в стопку, которая оказалась тут же на кухонном столе. Закусывать ничем не стал, ожидая быстрого расширения сосудов, и вследствие чего прекращения жуткой головной боли. По животу растеклось тепло. «Я ещё не алкоголик, раз у меня появился аппетит», – подумал он механически, почувствовав голод. Из двух яиц Вадим сварганил себе яичницу. Он заметил, что когда чем-то занимаешься, то думать о страхе некогда, поэтому Каратов стал через силу прибираться в квартире. Делать это с похмелья оказалось через чур мучительно. Кое-как поелозив тряпкой по кухонному полу, он бросил это занятие. Вместо этого Вадим подсел к столу и выпил пару стопок водки. Голова совсем встала на место. Вскоре раздался звонок – пришёл Олег. Чулков притащил ещё десять бутылок водки. Водружая их на стол, он сказал:

– Вадя, я заехал домой за водкой, может быть она нам пригодится.

Каратов горестно посмотрел на батарею бутылок и ответил:

– Что ж, раз свадьба не состоялась, то куда их ещё девать! – на его глазах снова появились слёзы.

– Когда похороны? – тихо поинтересовался Олег.

– Завтра в десять.

– Ты поедешь?

– Нет, но потом я приду на могилу к Веронике, поговорю с ней, попрошу прощения... но потом, когда все уедут.

Олег не стал уточнять за что Вадим хочет попросить прощение, он сел, налил в стопку водки и залпом выпил, не дожидаясь друга.

Целый день друзья пили. Вадим, размазывая пьяные слёзы по лицу, пытался рассказать Олегу о Веронике, он хотел, чтобы Чулков понял за что он полюбил свою милую учительницу. Олег делал умное внимательное лицо, пыхтел от, пытавшихся сорваться с губ потока слов, но всё же из чувства такта и уважения к другу, терпел и слушал. Когда выпито было три бутылки, Каратов сломался, рухнув спать прямо в любимое кресло. Чулков перенёс тело друга на тахту, и включил магнитофон на маленькую громкость.

Вы, может быть, замечали, что на поминках частенько люди сначала сидят чинно, грустят как положено, а потом вдруг то с одного конца стола раздаётся смех, то с другого. Вряд ли их можно обвинить в неуважении к усопшему, просто люди так устроены, что долго грустить

не могут – и это правильно! Что бы было с нами, если бы наш организм не ставил преград негативу!? Природа выставила мощную защиту, иначе все люди просто сошли бы с ума.

Чулков в одиночестве выпил ещё почти бутылку в течение двух часов, после чего отправился в другую комнату и завалился спать на кровать Сашки.

Утром Олег опохмелился, а Вадим на отрез отказался, помня, что ему надо ехать на кладбище. Чулков не собирался бросать друга, он захотел сопровождать Вадима, боясь, что тот может опять впасть в тревожное ощущение страха. После двенадцати часов, когда, по расчётам Вадима, на кладбище никого не будет из родственников и других сочувствующих лиц, они вышли из дома. Перед тем, как появиться на улице, Каратов тщательно привёл себя в порядок, боясь своим видом распугать старушек, вечно сидящих на лавочке возле парадной. Кумушки долго шептались у друзей за спиной, когда они нетвёрдой походкой покидали территорию двора. Поймав такси, друзья уже через полчаса были на кладбище.

Около входа тёрлось несколько мужиков в замызганных ватниках. Олег схватил одного за рукав, и стал расспрашивать его о недавних захоронениях. Выяснив таким образом, что они держат правильное направление, Чулков посулил мужику рубль за то, чтобы он проводил их к могиле, ибо кладбище было огромным. Провожать их вызвались ещё двое, на что Чулков никак не отреагировал. Вскоре копатели могил привели их к свежему холмику. Олег молча отдал три рубля, видя жадные глаза полупьяных мужиков. Сам он подходить к могиле не стал, тактично оставшись стоять на приличном расстоянии, давая возможность другу выплеснуть своё горе без свидетелей.

Каратов подошёл к свежей могиле, которая была засыпана цветами, и опустился на колени, не обращая внимания на слякотную грязь вокруг, истоптанную многочисленными ногами. Со стороны Олегу казалось, что его друг молится, но Вадим, будучи убеждённым атеистом, просто шептал слова клятвы:

– Милая, Вероника, я клянусь тебе отомстить за тебя! Пусть этот подонок и отсидит даже, всё равно он не уйдёт от заслуженной кары! Я обещаю тебе, я обещаю! ... Спи спокойно, родная! Я буду часто тебя навещать, не скучай, пожалуйста... Прости, что в последний день я мало был с тобой, но так получилось... Спи, родная...

Вадим представил лицо Вероники, и горькие слёзы потекли по его щекам. Он обнял холмик, потом встал и решительно направился прочь. Олег подошёл в свою очередь к могиле, поклонился, и развернувшись, стал догонять друга. Уже на выходе с кладбища, он решился нарушить молчание:

– Вадя, а цветы-то мы забыли купить.

– Это не важно, Олег, – тусклым голосом отозвался Каратов. – Цветов там и так достаточно – не в них дело. Главное, я буду помнить её живой, а не лежащей в гробу. Она у меня всегда будет здесь, – он постучал себе по груди. – Так что, Олег, не в цветах дело, они бы смешались с множеством других цветов. Я потом поставлю ей памятник – вот это будет лучше! А цветы... цветы я принесу ей, когда рассчитаюсь с подонками, которые её убили!!

Чулков не стал ничего говорить, догадываясь, что творится в душе Вадима.

Добравшись до дома, друзья ещё выпили, после чего Каратов решительно перевернул свою стопку:

– Всё, Олег, я пить больше не буду. Через неделю приедет Сашка, а у меня рожа, как у человека, только что побывавшего у чертей в аду на сковородке. Если я продолжу, то мне будет стыдно смотреть сыну в глаза.

– Ты прав, однако, – согласился Чулков. – Мне тоже надо ближе к дому. Ты не против, если я возьму с собой пару бутылок?

– Да ради бога, Олежек!

Когда друг уехал, Вадим завалился спать. Проснулся он от требовательного звонка в дверь. Пугаясь спросонья в тапочках, Каратов поспешил открыть. На пороге стояла Настя Голубева с пачкойпельменей в руке.

– Вечер добрый, Вадим. Можно зайти?

– Входи, – не очень любезно ответил Каратов.

Настя протиснулась в коридор, ненароком, или случайно, задев пышным бюстом грудь Вадима. Тот на этот недвусмысленный намёк никак не отреагировал.

– Ты, наверное, голоден? Я вот принесла пельменей, – Анастасия быстро прошла в кухню.

Увидев грязную посуду, она всплеснула руками:

– Что это у тебя так грязно здесь? Ты же аккуратист, Вадим! А это почему здесь!?! – она безразлично показала на кучу пустых бутылок, стоявших под раковиной. Схватив их, она стала одну за другой отправлять их в мусоропровод, находившийся тут же в углу кухни. Закончив выбрасывать тару, она обернулась и сказала:

– Я кое-что слышала от наших кумушек во дворе, у тебя правда кто-то умер из знакомых?

Голубева всё лето провела за городом в пионерском лагере в качестве повара, и теперь была не в курсе последних событий.

– Правда, – не стал ничего объяснять Каратов. – Настя, будь другом, уйди, мне сейчас плохо.

– Друзья для того и существуют, чтобы приходить в тот момент, когда человеку плохо, – назидательно ответила девушка, не собираясь никуда уходить.

– Уйди, Настя! А не то я тебя вышвырну! – чуть не заорал Вадим.

Ещё утром он хотел, чтобы рядом с ним кто-то был, но сейчас, после посещения кладбища, тот страх, что преследовал его всё последнее время, куда-то пропал. Вадим и сам не заметил этого превращения. Теперь эта цветущая девица с пышной грудью вызывала в нём раздражение. Каратов замолчал, чтобы не сорвалось более грубое выражение.

– Ладно, Вадим, оставайся один. Вышвыривать меня нет надобности, – Голубева поджала губы. – Ты ещё не знаешь, кто твой настоящий друг! Всё, всё, ухожу, – поспешила она ретироваться, видя сжатые кулаки Вадима.

Когда соседка ушла, Каратов оглядел кухню и согласился с Настей: квартира нуждалась в хорошей уборке. Но сейчас было лень её затевать на ночь глядя, и он решил начать с утра. Перекусив бутербродами, оставшимися после возлияний, Вадим разделся и снова завалился спать.

Встав в семь утра, Каратов распахнул все окна и принялся за генеральную уборку. Через три часа, когда всё было закончено, он прислушался к себе – страха не было! Повеселев, Вадим решил приготовить себе что-нибудь поесть. Заглянув в холодильник, он с удивлением констатировал, что они с Олегом почти всё съели. Вадим не помнил, чтобы кто-то из них готовил, но факт остаётся фактом – холодильник был пуст! Вытащив размораживаться оставшийся кусок свинины, Вадим стал доставать из буфета большой чугунный казан – он решил сделать плов. Порыскав по полкам, Каратов приготовил все ингредиенты, которые положены для настоящего среднеазиатского плова. Луку, правда, было маловато, зато моркови было предостаточно, и он решил обойтись тем, что обнаружил в нижнем отсеке холодильника. Нацепив передник, он только хотел приступить к чистке овощей, как раздался звонок телефона. Вадим вытер руки и прошёл в комнату.

– Слушаю.

– Здравствуйте, Вадим Петрович.

– Привет, – отозвался Каратов, не узнавая голоса.

– С вами говорит капитан Виноградов, – назвался звонивший.

– Слушаю, – повторил Вадим.

– Я обещал вам сообщить, кто будет вести ваше дело, – Виноградов сделал паузу.

Вадим напрочь забыл, что этот гаишник ему что-то обещал, но он проявил такт и сказал:

– Да-да, спасибо, я весь внимание...

– Дело ведёт следователь Купельник, Родион Сергеевич. Вы знаете, где находится суд в Московском районе?

– По-моему, в здании райсовета, – неуверенно ответил Вадим.

– Да, правильно. Если хотите, можете зайти к следователю и поинтересоваться, как продвигается дело.

– Спасибо.

– Всего доброго.

– До свидания, – Каратов положил трубку.

Когда он снова взялся за нож, руки сами опустились на колени. Мелькнувшее было чувство вдохновения исчезло. Снова мысли стали крутиться вокруг аварии, которая всё перевернула в его жизни.

Да, вот так случается – человек живёт, радуется, строит планы, а потом какое-то событие ставит на всём крест. Какова же сила случая! Пойди Вероника за хлебом минутой раньше, и ничего бы не случилось! А может, пошла бы позже?! Кто всё это распределяет? Кто наказывает кого-то, а кому-то дарует счастливую жизнь без больших потрясений?! Кто всё это делает?!!

Вадим потряс головой. Мысли разбегались, он никак не мог сосредоточиться.

Получается, что он где-то когда-то согрешил, раз его наказывают. И интересно, кто же это его наказывает? И, главное, за что?

Вадим отбросил нож и прошёл в комнату. Сев в кресло, он снова погрузился в свои невесёлые мысли.

Каратов добросовестно пересмотрел всю свою жизнь, все свои поступки, и не нашёл нигде каких-то криминальных, с его точки зрения, действий. Были мелкие, как и у всех прегрешения, но они есть у каждого человека – за них не наказывают так жестоко. Мелькнула мысль, что служители церкви правы, утверждая, что человек может расплачиваться за грехи предков, но тогда все бы поколения испытывали бы в какой-то мере дискомфорт, пытаясь исправить положение. Но Вадим знает немало семей, в которых два и даже три поколения не испытали сотой доли того, что пришлось испытать ему, похоронив уже двух жён! Да он Синяя борода! Нет, от таких мыслей можно сойти с ума.

Вадим решительно встал и стал одеваться. Надо хоть начать что-то делать для исправления ситуации, надо добиться максимального наказания для этого Ильина! Но это будет только началом мести. Потом, потом, когда этот ублюдок выйдет из тюрьмы, Вадим с ним рассчитается по-настоящему!

Каратов спустился во двор и направился к своей машине. Жмуркин снова возился со своей колымагой, забравшись чуть ли не по пояс под капот. Вадим всегда помогал соседу, но в этот раз он проигнорировал призывы Владимира, резко нажав на педаль акселератора. Машина обиделась от такого грубого обращения, и сразу заглохла. Чертыхнувшись, Каратов выдвинул воздушную заслонку, двигатель взревел, и, полыхнув на Жмуркина выхлопным смрадом, машина выскочила с территории двора.

Припарковавшись недалеко от кинотеатра «Московский», Вадим быстрым шагом направился к полукруглому зданию райсовета. Расспросив дежурного, он, следуя его указаниям, поднялся на третий этаж, где располагались кабинеты следователей и залы судебных заседаний. Найдя комнату с нужной табличкой, Вадим постучал и открыл дверь. В небольшом помещении сидел за столом человек средних лет, с волосами пшеничного цвета, в мятом костюме и галстуке. Он даже не поднял головы от бумаг, которые в беспорядке были разбросаны по столешнице, человек только досадливо поморщился, поняв, что в его кабинет кто-то вошёл. Каратов

кашлянул и сделал шаг в направлении стола. Наконец, следователь соизволил поднять голову, он вежливым взглядом уставился на посетителя и спросил:

– Вы ко мне?

– Да! Я – Каратов Вадим Петрович. Вы ведёте дело о наезде на пешехода...

– Постойте, – перебил хозяин кабинета, не дав закончить Вадиму фразу, – предъявите паспорт, пожалуйста.

Каратов достал документ и положил его на стол. Купельник взял паспорт и стал внимательно его изучать. Через две минуты он отложил его и спросил:

– Так по какому вопросу вы собственно?

– Семнадцатого числа сбили на смерть мою жену на перекрёстке Ленсовета и Фрунзе, и я...

– Неправда! – воскликнул хозяин кабинета, опять перебив посетителя. – Вы не являетесь мужем гражданки Галкиной. В вашем паспорте нет штампа о браке!

– Но у нас должна была состояться свадьба через два дня! И потом, какое теперь это имеет значение, я имею ввиду штамп в паспорте. – Злость стала подниматься внутри Каратова. – Я к вам пришёл, чтобы узнать: когда состоится суд, и сколько светит этому негодяю?!

Следователь откинулся на спинку стула, отчего его жиденькие пшеничные волосы потеряли стройность, открыв розовую плешь. Вадим отметил про себя, что взгляд следователя изменился, когда тот снова поднял на него глаза:

– Вы, значит, являетесь женихом гражданки Галкиной? Вернее, являлись, – последние слова следователь произнёс очень тихо. – Должен вас огорчить, Вадим Петрович, претензий со стороны закона к гражданину Ильину у нас нет. Он хоть и был в лёгком подпитии, но правил дорожного движения не нарушал. Следствие установило, что гражданка Галкина сама грубо нарушила правила перехода проезжей части, перебегая её в неположенном месте. Да вы и сами можете в этом убедиться, посмотрев на схему, где зафиксированы все события. – Купельник порылся в бумагах и вытащил лист, где была начерчена схема перекрёстка. – Вот, смотрите... здесь машина гражданина Ильина... здесь тело гражданки Галкиной... вот линия её движения... Видите, она перебегает перекрёсток по диагонали, чем грубо нарушает правила перехода, – шариковая ручка следователя водила по схеме. – Я вам сочувствую, товарищ, но погибшая сама виновата.

У Вадима потемнело в глазах, он почувствовал, как волна гнева заполняет всю его сущность. Не владея собой, он сделал широкий шаг в сторону следователя и схватил левой рукой его за рубашку на груди, потом, приподняв его со стула, замахнулся правой, но в это время хозяин кабинета заорал тонким голосом, да так громко, что Каратов, вовремя опомнившись и отпустил ненавистного представителя Фемиды. Тот с грохотом опустился на стул, потирая шею. Галстук следователя скомкался и сдвинулся вбок, а лицо приобрело цвет спелого помидора. Вадим опустил руку с сжатым кулаком и воскликнул:

– Это как понимать!? Я видел схему, настоящую схему, а не эту подделку, не эту лажу, что ты мне сейчас показал!! Где первый вариант схемы?! Почему появилась другая схема?! – Вадим орал прямо в лицо Купельнику, брызгая слюной. – Ты всё подменил, сволочь!! Там т-образный перекрёсток! Куда она бежала?! В сторону от нашего дома!?!

– Я сейчас позову охрану! – завопил Купельник и даже сделал попытку привстать.

Каратов вдруг сообразил, где он находится, и что криком и руганью дело не решишь. Он успокоился, достал из кармана резиновый круг, и стал нервно его мять. Следователь, с тревогой наблюдавший за рукой Вадима, когда тот полез за своим разминочным небольшим снарядом, испустил вздох облегчения. Вадим усмехнулся и уселся на стул, взяв свой паспорт со стола.

– Расскажи мне, куда делась настоящая первоначальная схема, и что означает твоё заявление, якобы этот мерзавец был слегка пьян, когда капитан в ГАИ мне сказал, что Ильин был сильно пьян?! – Вадим, сжав кулаки, ждал ответа.

Купельник всё ещё разглаживал рукой смятую рубашку, он непроизвольно отодвинулся от посетителя и хотел уже что-то ответить, но в это время дверь открылась и в кабинет заглянули два милиционера, у одного из которых Каратов успел разглядеть на поясе кобуру с пистолетом. По всей видимости, Купельник успел нажать на тревожную кнопку. Следователь приободрился, сделал строгую физиономию и, глядя на милиционеров, сказал:

– Побудьте, пожалуйста где-нибудь рядом, ребята, а то гражданин какой-то нервный попался. Итак, – дверь закрылась, и следователь продолжил, – вам надо какую-то схему, гражданин, но та схема, которую вы видите и есть та, настоящая! Вы что-то путаете, Вадим Петрович! Может, капитан вам что-то там и показывал, но это были лишь выводы простых постовых милиционеров, а следствие пришло к другим выводам, так что лучше вам смириться и не бузить, а то можно и пятнадцать суток заработать. Будь кто-то другой на моём месте, то вы бы уже сидели в КПЗ за угрозы следователю, и неизвестно, чем бы всё это закончилось. Могли бы и условный срок схлопотать, между прочим!

Каратов сидел с чугунной головой и ему казалось, что комната шатается. Выслушивать этот бред он больше не мог. У Вадима нашлись силы на то, чтобы только спросить:

– Суда, значит, не будет?

– Судить мёртвую девушку – верх цинизма, – ответил Купельник, заглаживая остатки волос на лысину.

– Я имел ввиду этого Ильина, и вы меня поняли! – Каратов с ненавистью посмотрел на следователя.

Родион Сергеевич сделал удивлённое лицо, ещё раз погладил лысину, и ответил:

– Советую вам впредь держать себя в руках и не идти против закона, – немного пафосно получилось у следователя. – Что касается выводов следствия, то, если они вам не нравятся – можете подать жалобу, но это могут делать только родственники Галкиной, а вы, как я понимаю, таковым не являетесь! Официально, во всяком случае, поэтому попрошу вас покинуть кабинет!

– Но были же свидетели ещё!! – в отчаянии воскликнул Вадим.

– Свидетели подтверждают полностью выводы следствия! Попрошу вас покинуть кабинет!

Вадим хотел посмотреть в эти лживые глаза, но этого у него не получилось – Купельник тщательно прятал глаза, которые бегали, не находя себе места. Каратов понял, что большего он здесь не добьётся, поэтому встал и направился к двери, про себя дав клятву убить этого проходимца.

Выходя из кабинета, Каратов что есть силы грохнул дверь. Два милиционера, стоявшие неподалёку, синхронно повернули головы в сторону Вадима, но каких-то репрессивных мер не предприняли. Каратов медленно прошёл мимо стражей порядка, подумав, что они знают, что из себя представляет следователь, от которого он только-что вышел.

Спустившись на первый этаж, Вадим медленно пошёл по полукруглому коридору в сторону буфета, где решил немного перекусить. Взгляд его бездумно блуждал по стенам коридора, как вдруг упёрся в стенд с фотографиями. Он приблизился к застеклённой выставке, пытаясь сообразить, что именно заставило его зацепиться взглядом. Стенд назывался «Лучшие люди нашего города». Мазнув ещё раз по фотографиям взглядом, Вадим хотел было пойти дальше, как неожиданно увидел знакомую фамилию. Сосредоточив всё внимание на фото, он опустил взор на надпись, которая гласила, что перед собой вы видите Первого секретаря райкома, товарища Ильина Романа Игнатьевича. Каратов сразу стал вспоминать, как полностью зовут негодея, который оборвал жизнь Вероники, и к своему изумлению обнаружил, что того точно звали Павлом Романовичем! Выходило, что Павел, сбивший Веронику, является сыном первого секретаря райкома! Отчество, во всяком случае, совпадало, но эту информацию надо было ещё

проверить, хотя Вадим уже почти не сомневался в своём предположении – это именно тот Ильин, ибо ничем другим неожиданные метаморфозы с уликами и свидетелями не объяснить.

Каратов даже забыл заглянуть в буфет, он выбежал из здания райсовета и ринулся к машине. У него было два варианта, чтобы подтвердить или опровергнуть своё подозрение – первое, обратиться к капитану ГАИ Виноградову, который сочувственно отнёсся к Вадиму, и второй вариант был обратиться за помощью к знакомому оперу, с которым он познакомился в гаражах. Каратов нервно сжимал и разжимал резиновое кольцо, прикидывая у кого лучше попросить помощь. После недолгих раздумий, Вадим решил обратиться к своему знакомому. Во-первых, после всего случившегося, он не доверял гаишникам, а во-вторых, опер мог что-то дельное ему посоветовать. Каратов положил резиновое кольцо в карман и достал потрёпанную записную книжку. Отыскав нужный телефон, Вадим вылез из машины и направился к телефону-автомату, стоявшему у входа в райсовет. После третьего гудка трубку сняли, и Вадим услышал знакомый голос майора Гаврилова:

– Слушаю.

– Лёня, мне срочно надо с тобой поговорить! Ты будешь в гараже сегодня?

– Вадим?

– Да!

Последовала пауза – видимо, майор сверялся со своим графиком предстоящих работ. Наконец, он ответил: – Хорошо, давай сегодня в семь в гаражах.

Поблагодарив, Вадим повесил трубку и вышел из будки. Нервно закурив, он снова направился к своей машине.

С Леонидом Гавриловым, оперуполномоченным уголовного розыска, Каратов познакомился два года назад, когда был занят сложным ремонтом двигателя. Тогда, находясь в рабочем боксе, Вадим тельфером вытаскивал движок из моторного отсека, тут же стоявший на подхвате дядя Жора ему помогал, когда к ним обратился симпатичный здоровяк средних лет:

– Здравствуйте, к вам обратиться мне посоветовали мужики, которым вы уже помогли, – начал незнакомец, внимательно наблюдая за извлечением движка. – Вижу, что сейчас вы заняты, когда к вам можно обратиться, а то мне надо срочно ехать, а машина чёрт знает как себя ведёт?

– Что у вас? – спросил Вадим, вытирая пот тыльной стороной ладони.

– Понимаете, – приободрился мужик, – она то едет, то не едет! Глохнет, зараза, а от чего не пойму, но вдруг опять едет, гадина!

– Дядя Жора, начинай разборку, а я посмотрю, что там с машиной у товарища, – сказал Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.